Правда о Мелоди Браун

Автор:
Лайза Джуэлл

Правда о Мелоди Браун

Лайза Джуэлл

Романы о сильных чувствах

Мелоди Браун живет в муниципальной квартире в центре Лондона. Она ведет замкнутый образ жизни. Известно лишь, что она дорожит сыном и работой и у нее нет ни друзей, ни аккаунтов в сети. Но однажды она знакомится в автобусе с приятным мужчиной, который приглашает ее на свидание… на шоу гипноза. Мелоди становится невольным участником действа, и с этого дня ее личность радикально меняется.

Лайза Джуэлл

Правда о Мелоди Браун

© Lisa Jewell 2009

© Н. Флейшман, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается

Руби Роксанне Силли

18.09.07

Открыв глаза, Мелоди Браун увидела луну – белый, идеально ровный кружок, точно пулевое отверстие посреди ночного неба. Она сияла вовсю, проливая свой яркий, будто от прожектора, свет на Мелоди, словно на героиню зрелищного шоу.

Девочка снова закрыла глаза и улыбнулась. Поблизости раздавались нестройные аплодисменты потрескивающих балок, вспучивающейся от жара краски, лопающихся оконных стекол. В отдалении слышалось трагическое завывание пожарной сирены.

– Мелоди! Мелоди! – слышалось рядом. Это звала та женщина. Ее мать.

– Видела, она открывала глаза? На секунду! – раздался другой голос. Мужчины с лысой головой. Ее отца.

Мелоди глубоко вдохнула. Казалось, будто ее горло и нос обожжены едкой кислотой, и от дымного воздуха, что она в себя втянула, их сразу зажгло, как от огня. На какой-то миг воздух застрял у нее на полпути обратно к глотке, словно вспыхнувшая спичка. Мелоди удержала его на секунду, пока тело само не вытолкнуло воздух прочь. И вот на это кратчайшее мгновение, когда она лежала на краю лужайки напротив своего дома в сиянии полной луны, с притупленным сознанием и со стоящими рядом с ней родителями, – Мелоди почувствовала себя в какой-то странной подвешенности, внезапно очутившись в том мире, где было одновременно и мрачно, и светло, и тревожно, и покойно. В том месте, где ее жизнь обретала наконец смысл. Мелоди улыбнулась снова, открыла глаза и тут же закашлялась.

И мать, и отец – оба с закопченными лицами и всклокоченными волосами – улыбались, глядя на нее.

– Ну, слава тебе, Господи! – выдохнула женщина. – Господи, спасибо!

Мелоди, заморгав, посмотрела на нее и попыталась заговорить, но голос у нее вдруг пропал. Его будто забрало пламя. Девочка перевела взгляд на отца. По грязному лицу пролегли дорожки от слез. В руке он держал ее ладонь.

– Пока и не пытайся говорить, – сказал он. Голос его был грубым и сиплым и в то же время полным теплоты. – Мы здесь. Мы с тобой.

Боковым зрением Мелоди видела, как в разбитых окнах дома отражаются синие вспышки проблесковых огней. С помощью матери она приподнялась, облокотилась на подушки и огляделась по сторонам, обнаружив вокруг себя совершенно невиданное зрелище. Дом – ее, Мелоди, дом – был охвачен ревущим, беснующимся пламенем. За этим пожаром наблюдали, прямо в домашних халатах и пижамах, сгрудившиеся плотной толпой люди, словно перед ними пышно праздновалась Ночь Гая Фокса[1 - Ночь Гая Фокса (или Ночь фейерверков) – традиционное в Великобритании празднование годовщины провала Порохового заговора 1605 года, когда группа католиков-заговорщиков попыталась взорвать в Лондоне здание Парламента.]. Посреди улицы остановились две большие пожарные машины, и мужчины в желтых касках торопливо разворачивали толстые шланги, устремляясь к горящему дому.
А в небе все так же висела луна – огромная и яркая и совершенно безразличная ко всему.

Мелоди встала и сразу почувствовала, как дрожат колени.

– Она какое-то время была без сознания, – между тем говорила кому-то мать. – Приблизительно минут пять в полной отключке.

Кто-то взял девочку под локоть и бережно повел к мигающим огням «Скорой помощи». Там ее завернули в плед и дали подышать кислородом через странно пахнущую пластиковую маску. Мелоди зачарованно озирала царящую вокруг нее суматоху. Постепенно сквозь густую пелену дыма и хаоса в ее сознание просочилась-таки действительность, и что-то вдруг осенило девочку, будто сразив ударом молнии.

– Моя картина!

– С ней все в порядке, – успокоила ее мать. – Она здесь. Клайв ее спас.

– Где? Где она?

– Здесь, – указала женщина на бровку тротуара.

Холст стоял вертикально, прислоненный к бордюру, и девочка устремила беспокойный взгляд на изображенную там юную испанку с огромными синими глазами и в платье в горошек. Каким-то странным, непостижимым образом эта картина подействовала на Мелоди, утешая ее и обнадеживая, как это всегда бывало в ее раннем детстве.

– Можете пока за ней присмотреть? – хриплым голосом спросила она. – Чтобы никто ее не украл?

Родители переглянулись, очевидно, успокоенные тем, что Мелоди так серьезно печется об этой дешевой мазне с какой-то барахолки.

– Нам придется забрать девочку в больницу, – подошел к ним какой-то человек. – Нужно хорошенько ее обследовать. Мало ли что.

Мать согласно кивнула.

– А я останусь здесь, – сказал отец. – Присмотрю как тут и что.

Все трое, как один, развернулись – и увидели перед собой шокирующее зрелище того, как их дом разваливается, исчезая прямо на глазах, обращаясь в золу и обгорелые руины.

– Это был мой дом, – произнесла Мелоди.

Родители молча кивнули.

– А вы – мои мама и папа.

Они снова кивнули и привлекли девочку в свои объятия.

В родительских руках Мелоди почувствовала себя в безопасности. Она вспомнила, как всего несколько мгновений назад она лежала в своей постели, и пара сильных рук, вытянув ее из кровати, пронесла через горящий дом к свежему воздуху.

Это было все, что ей удавалось вспомнить. Спасший ей жизнь отец, взирающая на нее с неба луна да юная испанка на картине, уверяющая ее, что все непременно уладится.

Мелоди легла на белоснежную простынку на носилках. Дверцы машины захлопнулись, и «Скорая» повезла ее в больницу. Все шумы, огни, все звуки разрушения скоро истаяли где-то позади.

– 1 –

Когда Мелоди Браун было девять лет и три дня, ее дом сгорел дотла. Пожар уничтожил все, не оставив ни единой детали одежды, ни единой игрушки, фотографии или старой рождественской открытки. Однако не только скромное имущество девочки унес безжалостный огонь – он забрал и все то, что хранилось у нее в памяти. Мелоди Браун не помнила почти что ничего о том, что было до ее девятилетия. Более раннее детство оставалось для нее полнейшей тайной. В памяти уцелели лишь два воспоминания о тех годах, причем оба нечеткие и сиюминутные, как внезапно налетевшая метель. В одном она стояла на спинке дивана и, вытянув шею, выглядывала в высокое окно. А во втором – нежно благоухающая кроватка в какой-то тускло освещенной комнате, стеганое шелковое одеяльце кремового цвета и крошечный младенец в колыбели. У этих отрывочных воспоминаний не было ни малейшего контекста – они существовали как два отдельных мгновения ее жизни, которые одиноко раскачивались бок о бок, точно два маятника в гулком от пустоты пространстве, где должны были бы находиться еще тысячи таких же памятных мгновений.

Однако, когда Мелоди было уже тридцать три и когда прошлое превратилось для нее всего лишь в далекий и пыльный от времени фрагмент ее вроде бы устоявшейся жизни, с ней произошло нечто совершенно непредвиденное и невообразимое. Однажды теплым июльским вечером – каких в то лето было вообще по пальцам перечесть – жизнь Мелоди Браун неожиданно круто

развернулась, сменив свое привычное течение и приняв абсолютно иной расклад.

* * *

В тот вечер, с которого и начались все перемены, Мелоди Браун могла бы просто вернуться домой, если бы вдруг не решила, выйдя с работы, укрыться от летнего дождя, крупными каплями забарабанившего по ее обнаженным рукам, и сесть в автобус номер 14 вместо того, чтобы, по обыкновению, прогуляться пешком. Так же, с предельной вероятностью, она бы в тот вечер, как обычно, оказалась дома, если б не решила с утра надеть легкую майку, выставив на всеобщее обозрение ничем не прикрытые плечи.

– У вас просто изумительные плечи, – заметил какой-то мужчина, скользнув на свободное сиденье рядом с Мелоди. – С того момента, как вы сели в автобус, я от них глаз не могу оторвать.

– Это вы так прикалываетесь, да? – хмыкнула в ответ она.

– Да нет, серьезно. Я кое-что смыслю в плечах, а ваши плечи – это что-то поистине невероятное.

Мелоди смущенно коснулась пальцами своих плеч, потом метнула на сидевшего рядом незнакомца подозрительный взгляд.

– Вы что, фетишист?

Мужчина громко рассмеялся, обнаружив в задних зубах три «серебряные» пломбы.

– Ну, насколько мне известно, нет, – ответил он. – Разве что меня им делает тот факт, что я способен увлечься женщиной с такими восхитительными плечами.

Мелоди с любопытством уставилась на незнакомца. Он, значит, ею увлекся. Ею давно никто не увлекался. Во всяком случае, с 1999 года – да и то трудно было сказать, действительно ли она нравилась тому парню или же он просто поухаживал за ней из жалости.

– А я что, так похож на извращенца? – искренне забавлялся сосед по сиденью.

Она оценивающе смерила его взглядом – скользнув от легких кожаных туфель до бледно-голубой рубашки и свежевымытых волос, потом обратно, к светло-серым брюкам. Самый что ни на есть нормальный индивид.

– А кто говорит, что извращенцы похожи на извращенцев? – отозвалась она.

– Что ж, клянусь вам, я не из их числа. Я абсолютно нормален. Если хотите, могу даже дать вам телефончик своей бывшей жены. Она сочла меня столь несносно нормальным, что ушла от меня к мужику с пирсингом в брови.

Мелоди рассмеялась, и незнакомец весело улыбнулся в ответ.

– Послушайте, – сказал он, поднимаясь на ноги, – мне пора выходить. Вот моя визитка. Если вам придется по душе мысль провести где-нибудь вечер с извращенцем-фетишистом, то позвоните мне, пожалуйста.

Мелоди взяла карточку из его загорелых пальцев и на мгновение ткнулась в нее взглядом.

– Буду с нетерпением ждать, – с улыбкой сказал он и, подхватив свой рюкзак, выскочил через глухо фыркнувшую гидравлическую дверь на оживленный тротуар.

Сидевшая перед Мелоди женщина резко развернулась на своем сиденье:

– Едрит твою налево! Если вы ему не позвоните, я это сделаю сама!

Звонить ему она не стала. Выждав целую неделю, Мелоди отправила незнакомцу сообщение. Не потому, что так уж хотела с ним связаться (ибо последнее, что Мелоди Браун вообще требовалось в жизни – так это мужчина), а потому, что все ее ближайшее окружение, начиная с сына и лучшей подруги и заканчивая женщинами на работе, настаивало, чтобы она все же это сделала.

«Приветствую, – написала она, – я та самая, чьи плечи вызвали у вас столь извращенческую реакцию на прошлой неделе в автобусе № 14. Вот мой номер телефона. Поступайте с ним как пожелаете».

Не прошло и пяти минут, как он ответил:

«Спасибо за номер. Прямо даже и не знаю, как с ним поступить. Есть какие соображения?»

Она вздохнула. Мужчине хотелось пошутить-подурачиться.

Мелоди дурачиться не хотелось. Мелоди хотелось просто жить своей жизнью.

И она резковато написала в ответ: «Не знаю. Пригласите, что ли, куда-нибудь?»

Что он в итоге и сделал.

Так вот и началось ее удивительное путешествие в прошлое.

– 2 –

2006 год

Мелоди Браун обитала в скромной квартирке в старом здании викторианской архитектуры, втиснувшемся между Энделл-стрит и Нил-стрит, прямо посреди района Ковент-Гарден. Жила она там с Эдвардом Джеймсом Брауном, каковой приходился ей вовсе не мужем, а сыном семнадцати лет от роду. Квартира их была маленькой и солнечной. Своего садика при доме не было, однако имелся балкончик с пожарной лестницей, выходящий на широкий двор.

Квартира в Ковент-Гардене отнюдь не являлась для Мелоди свидетельством солидного достатка. Дело в том, что муниципальный совет боро Камден владел в этом районе довольно большим сектором недвижимости, и Мелоди просто сильно повезло получить одну из этих муниципальных квартир, когда она

в пятнадцать лет оказалась матерью-одиночкой. С тех самых пор они с Эдом и жили здесь вдвоем, и квартира их, как и всякий дом, претерпевала соответствующие изменения по мере роста и взросления хозяев. Это был дом с целыми наслоениями разных памятных вещей. Там по-прежнему стояла та самая софа, что раздаривал юным мамочкам некий благотворительный фонд семнадцать лет назад, когда они только въехали в новое жилище, и на ней лежало покрывало, которое Мелоди нашла в каком-то благотворительном секонд-хенде, когда Эду было около десяти. Только теперь диван еще украшали модные подушки, которые Мелоди приобрела на распродаже в «Monsoon» пару лет назад, когда выиграла в лотерее семьдесят пять фунтов.

Цветы в горшках она купила, когда Эдвард был совсем крохой. Тогда, в девяностых, практически у всех дома были комнатные растения. Большинство из них за минувшие годы погибли, однако одно произрастало до сих пор – явно нацеленное выжить любой ценой, хотя и смотревшееся на самом деле довольно-таки неприглядно на своей щербатой тарелке посреди ржавых разводов и въевшейся в нее грязи. Случись Мелоди переезжать на новую квартиру, с растением она бы точно рассталась, однако здесь оно казалось настолько неотъемлемым элементом дома, существовавшим все эти семнадцать лет, что избавиться от него было для нее просто немыслимо.

То же самое можно было сказать и о целых стопках бумаг, хранившихся под ее кроватью, и о стареньких кроссовках Эда в прихожей, которые не подходили ему еще с пятнадцати лет, и о небольшой картине в неказистой рамочке с испанской танцовщицей, что висела у Мелоди в спальне, попав сюда из дома ее детства.

Дом Мелоди едва ли мог снискать хоть какой-то приз за внутреннее убранство, однако он был теплым и уютным, и был насквозь пропитан духом хозяйки и ее сына. Он являл собой этакий драгоценный ларец воспоминаний, где к большой пробковой доске были пришпилены все их фотографии, сувенирчики, почтовые открытки. В этой квартире повзрослели бок о бок Мелоди и ее сын, и теперь – осознанно или нет – она стремилась сделать все, чтобы ни единое мгновение их общей здешней жизни не кануло в небытие. Она хотела, чтобы все это: каждый приезд ее подруги, каждый школьный спектакль Эда, каждое его рождественское утро – все до последнего памятные события этих семнадцати лет всегда были перед ее глазами, ибо память о прожитой жизни Мелоди ценила гораздо больше, нежели ее саму.

В тот вечер, когда ее жизнь внезапно закончилась и в то же время началась, Мелоди старательно принарядилась. Она вообще редко когда наряжалась, потому как к одежде не питала ни малейшего интереса. Свободную половину дня она просто донашивала одежду своего сына, поскольку нигде не бывала, кроме как на работе. Работала же она буфетчицей в столовой той самой школы, где до недавних пор учился Эд, месяц назад получивший аттестат о полном среднем образовании, и денег на красивые обновки у нее не было, а потому Мелоди этим вопросом никогда не заморачивалась. Однако сегодня она все же побывала на Оксфорд-стрит в большом магазине сети «Primark» и потратила тридцать пять кровью и потом добытых фунтов, ибо сегодня Мелоди встречалась с мужчиной, и за последние восемь лет ее ожидало первое настоящее свидание.

Из шкатулки с украшениями она достала колье – прекрасный грушевидный кулон из оникса с гагатом на серебряной цепочке – одну из очень немногих вещиц, оставшихся у нее от матери. Надев его через голову, Мелоди развернулась к сыну, который с интересом наблюдал за ней с уголка ее кровати.

На Эде была белая рубашка-поло с поднятым воротничком, на шее виднелась серебряная цепочка. Темные волосы были коротко острижены и блестели от лосьона, глаза темно-синего цвета сияли, а профиль напоминал скорее римский. С шестого класса Эд считался самым красивым мальчиком в школе, и это был отнюдь не ее материнский взгляд, а мнение половины учившихся там девочек, и Мелоди знала об этом, потому что не раз слышала, как те между собою перешептываются, полагая, что никто, заинтересованный в этом вопросе, к их секретам не прислушивается.

Улыбнувшись, Эд выставил оба больших пальца.

– Потрясно выглядишь, – одобрил он.

– Спасибо, что соврал.

– Да нет, серьезно. Ты в самом деле классно выглядишь.

– Ну, врешь ты или нет, а слышать все равно приятно. – Мелоди ухватила ладонями его за щеки и звучно чмокнула в губы.

– Фу! – поморщился Эд, тут же утираясь тыльной стороной кисти. – Помада!

– Уверена, будь это помада Тиффани Бакстер, ты бы так не возмущался.

– Ну, естественно, – ухмыльнулся сын. – Ей семнадцать лет, она мне нравится, и она мне не мать.

Мелоди снова повернулась к зеркалу и оценивающе оглядела свое отражение. Подвыцветшие с годами каштановые волосы, из короткой «лесенки» выросшие уже в лохматый «шлем». Немного желтоватые от двадцати лет курения зубы. Фигурка худенькая, но довольно стройная. Из одежды – туника из «Primark», красная, с V-образным вырезом и узором из пайеток, старенькие джинсы «Gap». На ногах – расшитые сандалии, всё из того же «Primark». И легкая тень страха в светло-карих глазах.

– Как думаешь, не надеть ли мне что-нибудь на каблуках? – спросила она, приподнявшись на цыпочки и оглядывая себя в зеркале в полный рост. – Чтобы ноги казались длиннее?

Но Эд скрестил перед собой руки и решительно покачал головой:

– Это уже, знаешь, из области «как жаль, что ты не дочка». Боюсь, тут я тебе не помощник.

Мелоди улыбнулась и вновь погладила его ладонью по щеке.

– Это верно. – Она подхватила сумку и повесила ее на плечо. – Тогда я пойду, пожалуй. В морозильнике есть пицца. Или вчерашняя жареная курица в холодильнике. Только разогрей как следует. А еще…

– А еще – счастливо, мама.

– Да, – улыбнулась она. – И тебе пока. Я кину эсэмэску, когда буду возвращаться.

Бен ждал ее снаружи у станции метро «Лестер-сквер» в бледно-голубой рубашке и джинсах. Увидев его, Мелоди вздохнула с облегчением. Он пришел! И тут же

сердце упало от страха: он все-таки пришел.

Мелоди успела его рассмотреть через дорогу, прежде чем стреляющий по сторонам взгляд Бена не засек ее в толпе. Сегодня он показался ей крупнее, чем при первой встрече, – выше и мускулистее. Однако лицо его казалось таким гладким и спокойным – словно только что нарисованное и еще не тронутое жизнью. Непроизвольно Мелоди подняла руку к лицу, ощутив кончиками пальцев неровность своей кожи, какую-то ее изможденность. Она и раньше знала, что выглядит намного старше своих лет (будучи примерно одного возраста с Кейт Мосс, как нередко с безжалостностью напоминала себе Мелоди), но сейчас от этой мысли ее изрядно покоробило.

– Чудесно выглядишь, – произнес Бен, тронув ее за открытое предплечье, и наклонился поцеловать в щеку.

– Спасибо, – ответила она. – Ты тоже.

От этого, давно уже непривычного, прикосновения мужчины – пусть даже к вполне целомудренному участку ее руки – Мелоди слегка зарделась, на миг замерло дыхание.

– Может, зайдем куда-нибудь немного выпить? – предложил Бен. – Шоу начнется не раньше чем через полчаса.

– Да, давай, – согласилась она.

Они заглянули в небольшой паб на Крэнбурн-стрит, и Мелоди заказала большой бокал белого вина для себя и джин с тоником для Бена.

– Итак, тост! – провозгласил он. – За наглых незнакомцев, прекрасные плечи и теплые летние вечера!

Мелоди осторожно чокнулась с ним и тут же подумала: «Разве нормальный парень сказал бы что-то подобное?» Всякий раз, взглядывая на своего нового знакомого, она находила в нем какой-нибудь изъян. Нос у него был очень уж ровным, подбородок – чересчур квадратным. Да и весь он был каким-то слишком чистым, слишком свежим. Волосы казались непомерно легкими и воздушными,

а ботинки – больно уж начищенными.

Он пригласил ее сходить посмотреть шоу Джулиуса Сардо, знаменитого гипнотизера и манипулятора сознанием. Брат у Бена работал в агентстве по продаже билетов, и ему удалось найти для них свободные места, притом, что все билеты были давно распроданы. Узнав об этом, Эд дразнил ее почти что всю неделю: «Посмотрите мне в глаза! Не отводите взгляд в сторону, а смотрите прямо в глаза!» И Мелоди хорошо понимала, отчего он так потешался. В самой идее завладеть чьим-то сознанием, казалось ей, было что-то по-детски глупое и наивное, сильно отдававшее школьным двором – будто какой-то юный гипнотизер-самоучка пытается притягивать к себе внимание тех, кто выглядит богаче и приличней.

– А ты ни разу еще не видел его шоу?

– Вживую нет, – мотнул он головой. – Только по телику. А ты?

– Я тоже лишь по телику.

– А ты не видела тот эпизод, где он побудил женщину ограбить инкассаторский фургон? А она еще оказалась участковым полицейским?

– Нет, не видела, – покачала головой Мелоди. – Должно быть, пропустила.

Тут она заметила высунувшуюся у него из-под манжета трубчатую повязку.

– А что у тебя с рукой?

– Растянул запястье. Целых три часа провел в отделении «Скорой помощи».

– Надо же! А что случилось?

– В сквош неудачно поиграл. – Бен изобразил взмах ракеткой и тут же поморщился. – Малость увлекся.

Мелоди прищурилась. Сколько она себя помнила, во всем ее окружении никто в сквош не играл.

– Будет тебе наука, – шутливо произнесла она.

– Это точно, – улыбнулся Бен. – Пожалуй, найдется куда более достойное применение для таящейся во мне энергии, нежели укрощать маленький резиновый мячик.

Последовала короткая, но довольно напряженная пауза. Мелоди сделала большой глоток вина и попыталась как-то пригасить растущее в ней чувство паники. Она уже понимала, что все это с самого начала было полнейшим вздором. У нее не было абсолютно ничего общего с этим аккуратным и начищенным господином с его гладеньким лицом. Даже его новые блестящие ботинки как будто подмигнули ей, насмехаясь над ее глупостью.

– Итак, – нарушил молчание Бен, – ты, значит, работаешь в школе? И ты там что – преподаешь?

Мелоди поморщилась. Она могла ему соврать – но могла и выдать все как есть и посмотреть его реакцию.

– Вовсе нет, – напрямик заявила она, – я работник столовой. Проще говоря – буфетчица.

– Да ну? – улыбнулся Бен. – Правда, что ли?

– Ага, – кивнула Мелоди. – Нейлоновый халатик, чепец на голове – это я и есть.

– Ого! Поверить не могу. Вот уж не знал, что школьные буфетчицы бывают такими, как ты. В мое время таких точно не было.

– Да брось, наверняка были. Просто с точки зрения детишек все, кто старше двадцати – уже старичьё. В их глазах мы все сливаемся в единую блеклую массу. Ну, а ты? – спросила Мелоди. – Ты работаешь… Прости, мне точно не припомнить…

– Я инженер-сметчик, работаю в строительстве. Тебе и необязательно это запоминать. Очень скучное занятие, смею тебя уверить.

– А тебе самому оно нравится?

– Да, – пожал плечами Бен. – Увы, не могу этого не признать. Уж не знаю, какое впечатление производит моя профессия. Возможно, мне стоило бы соврать, сказав, что мне это до смерти скучно и что я втайне мечтаю все это бросить и стать, к примеру… рок-звездой. – Он усмехнулся. – Но нет, мне и в самом деле нравится моя работа. А еще она дает мне возможность платить за жилье и к тому же вносить свою половину за квартиру бывшей супруги. – Бен вновь смешливо фыркнул. – А ты всегда жила тут, в Лондоне?

– Нет, – покачала головой Мелоди. – Я выросла в графстве Кент, под Кентербери.

– И что привело тебя в Лондон?

Мелоди мгновение помолчала, не будучи уверена, что сейчас подходящее время поведать Бену историю своей растраченной юности. Он и так, должно быть, уже понял, что она женщина совсем не его типа. Мелоди даже представила этот более подходящий ему тип: она скорее всего блондинка, миловидная и спортивная, и зовут ее, пожалуй… Изабель. И нынешняя встреча для Бена – всего лишь забавный эксперимент. Попытка как-то компенсировать тот факт, что его жена сбежала к парню с пирсингом. Этакий бунтарский жест, призванный уравновесить чаши весов: мол, «а у меня нынче свидание с буфетчицей, вот так-то!». И Мелоди решила, что ей совершенно нечего терять, что она может выложить ему все как есть и даже сколь угодно сгустить краски.

– Я ушла из дома, – с невозмутимым видом начала она. – Мне тогда было пятнадцать. Увлеклась наркотиками, алкоголем, а также одним ирландским цыганом по имени Тифф. Потом я забеременела, и Тифф от меня сдернул, а родители не пожелали со мной знаться. То есть они бы изменили решение, если бы я согласилась вернуться домой и сделать аборт, но я этого не захотела, и получилось то, что получилось. Меня включили в список «чрезвычайной помощи». Какое-то время я жила в хостеле, а потом, когда я была уже на девятом месяце, мне дали квартиру.

Бен на секунду посмотрел на нее в упор.

– Что, ты сильно шокирован? – усмехнулась Мелоди.

– Нет, – мотнул он головой. – Нет, не шокирован. Просто удивлен. С виду ты такая… как все, что ли… И что твои родители? Ты с ними потом виделась?

Мелоди пожала плечами.

– За все те годы, что прошли после моего ухода, – нет, ни разу не виделась. После того как родился Эд, я пару раз общалась с ними по телефону, и это все.

– Что ж, печально.

– Думаешь? – вопросительно глянула на него Мелоди.

– Ну да. В том смысле, что у тебя есть сын, и очень печально, что он не знает своих бабушку с дедушкой.

Она снова пожала плечами.

– Я как-то никогда об этом не думала. Я хочу сказать, что в каком-то смысле не воспринимала их как своих родителей. Они всегда казались мне этакими радушными незнакомцами, подобравшими меня где-то на улице. И я была более чем рада оставить их в прошлом. Честное слово.

Бен внимательно посмотрел на нее.

– Надо ж как… – только и произнес он.

И Мелоди поняла, что их свидание не протянуло еще и часа, а она его уже безнадежно потеряла.

* * *

У них оказались хорошие места в партере. Даже чересчур хорошие, как выяснилось вскоре. Третий мячик из пенорезины, выпущенный из большущего пневматического ружья Джулиуса Сардо, приземлился прямо на ее колени. Он был ярко-розового цвета, и на нем значилась цифра 3. Все, кто только находился в зале, повернулись, чтобы посмотреть на Мелоди, – многие даже старательно

вытягивали шеи, чтобы получше ее разглядеть. Сама же она сидела, глядя на розовый мячик и чувствуя себя шокированной, хотя, как ни странно, особого удивления не испытывала.

– Как вас зовут? – обратился к ней Джулиус.

– Мелоди, – отозвалась она.

– Отлично, Мелоди, пройдите-ка сюда.

Она поднялась на ноги, причем как-то одеревенело, как будто в состоянии шока. Неторопливо прошла по проходу, и какой-то мужчина с гарнитурой в ухе вывел ее на сцену. Неожиданно Мелоди оказалась стоящей рядом с Джулиусом в свете прожекторов, уставясь в целое море однообразных зрительских лиц.

– Замечательно, – произнес Джулиус, когда все шесть человек с мячиками из зрительного зала собрались на сцене. – Итак, этот номер называется «Пять стадий человека». И хочу я от вас, дорогие мои, чтобы вы изобразили разные эпизоды жизни человека по имени… ну, скажем, Фрэд. Так вот, наш Фрэд – чудесный малый. В общем и целом. Однако у него имеются свои, что называется, закидоны. Сейчас я дам вам выбрать еще по одному мячику, и внутри его каждый из вас найдет маленькую бумажку, на которой написаны определенный возраст и та причуда Фрэда, которую вам следует изобразить.

Он пронес по кругу чашу с еще одним комплектом мячиков, похожих на теннисные, и Мелоди взяла один из них. Вытащила из него бумажку, развернула и прочла следующие слова: «Пяти лет, громко пускающий газы».

То, что происходило в последующие пять минут, Мелоди вряд ли смогла бы кому-то внятно объяснить. Однако с того мгновения, как Джулиус досчитал обратным порядком до одного, она почувствовала себя маленькой. Маленькой и звучно пукающей. Она кружила по сцене, изображая ртом соответствующий звук и утирая нос тыльной стороной ладони, делая при этом вид, будто гоняет голубей. Всякий раз, как она издавала «пуканье», зрители покатывались со смеху, однако Мелоди почти не обращала на них внимания, воспринимая этот хохот как некий рассеянный фоновый звук – словно шум транспорта из открытого окна.

– Усни, Фрэд! – скомандовал Джулиус, щелкнув пальцами прямо перед носом у Мелоди, и в ее сознании случилось какое-то временное затемнение, словно возникла пустота. Причем не та туманная пустота, что ощущается порой во сне или в хорошем подпитии, но нечто совсем иное – словно на доли секунды в голове у нее вдруг разверзлась черная дыра, втянула в себя что-то пестрое и инородное, после чего закрылась вновь. У Мелоди подогнулись колени, и она бочком, с виду довольно изящно, этаким стожком повалилась на пол сцены.

Следующее, что обнаружила перед собой Мелоди, было лицо Бена и какой-то цитрусовый аромат его волос. Она увидела дверь со светящейся над ней надписью «Выход», почувствовала наброшенный ей на колени колючий шерстяной плед.

В поле зрения появилась незнакомая женщина в зеленой форменной блузе. У нее был очень блестящий лоб и крупные поры на носу.

– Мелоди! Мелоди, вы меня слышите?

Мелоди кивнула, и женщина снова скрылась из виду.

– Ты как, в порядке? – спросил уже Бен. На лице у него уже пробилась тоненькая щетина, в которой проглядывали рыжие вкрапления.

Мелоди снова кивнула и попыталась было встать на ноги, но Бен, обхватив ее рукой, аккуратно опустил обратно в лежачее положение.

– Где я? – спросила она.

– В пункте первой помощи, – объяснил Бен. – Ты на сцене отключилась. Сорвала им все шоу. Единым своим движением. Пришлось объявить экстренный антракт.

Мелоди поморщилась. В голове у нее все плыло и царил полный сумбур – такой, что она не в состоянии была полностью осознать то, что говорил ей Бен. Она машинально тронула свое плечо:

– А где моя сумка?

– Здесь, – показал ей сумку Бен. – И пиджачок твой я тоже прихватил. Подумал, что ты, наверное, уже не захочешь вернуться в зал досматривать шоу.

– Нет, – мотнула она головой. – Уже не захочу. Мне хочется домой. Извини…

Мелоди ощутила в себе странное отсутствие какого-либо чувства времени или места – она словно оторвалась от самой себя и уплывала куда-то в неизвестность.

– Нет-нет-нет, все нормально. Что ты! Я абсолютно все понимаю. Может, на тебя там что-то так сильно подействовало?

– Нет, – отозвалась она неожиданно пронзительным голосом – на пару тонов выше, нежели хотела. – Нет, не в том дело. Это что-то другое. У меня что-то с головой. Что-то не так в моей голове.

Она заметила, как Бен и медичка переглянулись. Потом увидела, как дверь с табличкой «Выход» открылась, и появился он сам. Джулиус Сардо. Он показался ей ниже ростом, чем выглядел на сцене, но притом имел еще более яркий, чуть ли не апельсиновый загар.

– Привет, Мелоди, ты пришла в себя?! Ну, слава богу! Заставила же ты меня поволноваться. Как ты, в порядке?

Мелоди рассеянно кивнула. Ее нисколько не тянуло разговаривать с Джулиусом Сардо. Ей хотелось просто вернуться домой и лечь в постель.

– Что это, по-твоему, могло быть? – продолжал, однако, Сардо. – Может, понизился сахар в крови?

– Не знаю, – ответила Мелоди. – Но сейчас мне уже лучше. Я хочу лишь вернуться к себе. Могу я уже пойти домой?

Женщина из отделения первой помощи кивнула в знак согласия, и Бен помог Мелоди подняться на ноги.

– Я хочу, чтобы вы знали, – не унимался Джулиус, – что я уже девять лет устраиваю подобные шоу с живыми картинами, и это первый случай, чтобы кто-то у меня отключился. – Улыбка его была чуть шире естественной, и Мелоди понимала, что тот порядком обеспокоен случившимся, но у нее не было ни малейших сил с ним это обсуждать.

– Все хорошо, – сказала она, забирая у Бена пиджак и натягивая его на плечи. – Не беспокойтесь насчет этого.

– Вот и отлично, – расплылся в улыбке Джулиус, сверкнув неестественно белыми зубами. – Сейчас мне надо вернуться назад, на сцену, но если вы обратитесь к ребятам в соседнем кабинете, они организуют вам на двоих билеты на какой-нибудь другой вечер – восполнить то, что вам случилось пропустить. Ладно?

Мелоди слабо улыбнулась. У нее не было ни малейшего желания еще когда-то приближаться к Джулиусу Сардо ближе чем на сто шагов.

– Ладно, – отозвалась она.

Когда они вышли из театра, солнце уже село, и воздух оказался студеным и бодрящим, так что Мелоди начала дрожать от холода в своих открытых босоножках и в тоненьком пиджачке.

– Мне правда ужасно неудобно, – стала сокрушаться она. – Что за напасть такая!

– Да нет, это мне неудобно, – ответил Бен. – Это же моя была идея тебя туда сводить. В следующий раз просто где-нибудь приятно посидим-поужинаем, ладно?

Мелоди глянула на него с любопытством. В следующий раз? Трудно было представить, чтобы ему еще раз захотелось с ней увидеться. Она натянуто улыбнулась, решив, что он сказал это исключительно из вежливости, и направилась к метро.

Когда она уже в девять тридцать вернулась домой, Эд лежал, растянувшись на диване и смотрел телевизор.

– Чего это ты так рано? – аж подскочил он, когда она вошла в гостиную.

Вздохнув, Мелоди присела на боковинку софы.

– Это катастрофа, – прошептала она.

– Он что, тебя кинул?

– Нет, ничего он меня не кинул, – возмущенно ответила Мелоди. – Мне выпало участвовать в номере. Джулиус Сардо заставил меня изображать пятилетнего мальчика с хроническими газами. Так вот, мало того что я бегала по сцене перед сотнями людей, прикидываясь маленьким пердуном, так я еще и вырубилась…

– Это как?

– Вот так, хлопнулась в обморок! Прямо перед всей толпой. Так что пришлось меня увозить за кулисы и оказывать первую помощь.

– Не может быть!

– К сожалению, может. – Мелоди тяжко вздохнула и провела пальцами по волосам. – Господи боже, только со мной могло такое случиться. С Мелоди Браун. Вот потому-то, – продолжала она, – я и сижу все время дома последние восемь лет.

– Бог ты мой, мама, с тобой все хорошо?

Мелоди мотнула головой. Потом кивнула. Она и сама не знала, все ли с ней в порядке. Разве только то, что ей надо лечь поспать.

– Да, все нормально. Думаю, это просто избыток адреналина плюс большой бокал вина. В общем, я – в постель.

– Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь? Может, тебе все же хоть немного подкрепиться?

Мелоди улыбнулась, тронутая и удивленная тем, как ее деточка-сыночек пытается о ней позаботиться.

– Нет, мне просто надо поспать. Не забудь только, прежде чем ляжешь, закрыть все окна.

Оставив Эда на диване в гостиной – уже отнюдь не деточку, а рослого семнадцатилетнего парня, – Мелоди ушла к себе в спальню.

Лежа в темноте, она вслушивалась в доносившиеся со двора звуки летнего вечера: то приближающееся, то удаляющееся урчание моторов, доносящееся через открытые окна голоса людей, играющую где-то вдалеке музыку. Сейчас ей уже с трудом верилось, что совсем недавно она являлась важной нитью в материи этого субботнего вечера. Она была и тем человеком, что стоял на тротуаре в Уэст-Энде в расшитых блестками сандалиях и с помадой на губах. Она была и посетителем паба – причем с бокалом вина и в сопровождении мужчины. А еще – что самое неожиданное – она была вышедшим на сцену зрителем в одном из театров Уэст-Энда, на которого глазели сотни людей. А еще – тем человеком, о котором еще долго будут судачить: «Представляешь, была там одна женщина – и, прикинь, она хлопнулась на сцене в обморок!» Этим вечером Мелоди умудрилась оставить по себе в этом мире заметный отпечаток, однако теперь она, как и всегда, лежала в своей двуспальной кровати – все такая же одинокая и бесстрастная, все та же мать-одиночка, – как будто ничего подобного в ее жизни не случилось. Словно ничего особенного так и не произошло.

Красное светящееся табло ее радиобудильника перескочило с 9:50 на 9:51, и Мелоди почти мгновенно провалилась в глубокий сон.

– 3 –

1976 год

Когда Мелоди Браун было три года, ее звали Мелоди Рибблздейл, и жила она в большом красном доме в самой глубине Лондона. Так, по крайней мере,

воспринимало это ее собственное, трехлетнее сознание. Жила она, в действительности, в углу второго этажа большущего красного особняка, что неказисто растопырился близ оживленной автомобильной развязки в боро Ламбет, на юге Лондона.

Чтобы пробраться в свой уголок этого большого красного здания, Мелоди и ее родителям приходилось подниматься на два пролета по холодной, попахивающей хлоркой лестнице или же втискиваться в крохотный лифт с раздвигающимися вручную дверями, которые почти что невозможно было открыть – даже отцу Мелоди с его большими и сильными волосатыми руками.

В квартире у них было светло и легко дышалось, даже притом что их огромные подъемные окна выходили на творящийся внизу автомобильный хаос. А когда Мелоди забиралась на спинку дивана в гостиной и поднималась на цыпочки, то могла даже видеть из окна кусочек Темзы.

Спала она в маленькой, отделанной в желтый цвет спальне с голубыми занавесками и с заводным мобилем, на котором висели деревянные бабочки, и каждое утро мама надежно пристегивала ее к багажнику своего велосипеда и отвозила в один из домов на аллее Валнуттри-Уолк, где за Мелоди присматривала пожилая леди по имени Пэм, пока мать работала. К пяти часам мама обычно возвращалась, пропахшая кофе и сигаретным дымом, и забирала девочку домой. Иногда по пути они заглядывали в небольшой магазинчик на углу их улицы, чтобы купить пинту молока или ветчину.

Мама Мелоди работала менеджером по маркетингу в компании, связанной с современным танцем, а папа – установщиком печатных форм в типографии. Оба они трудились в обычные рабочие дни. Никто из них нигде особо не разъезжал, не путешествовал. Жизнь у них была тихой и совершенно предсказуемой, и Мелоди всегда, в любой день знала, чего ей следует ожидать. Ей вполне нравилось такое существование – этакое легкое покачивание на поверхности в теплых живительных водах привычных будней. Иногда родители устраивали в их просторной ламбетской квартире вечеринки. Начинались эти праздники обычно вскоре после полудня, в пору ланча, и заканчивались уже завтраком следующего дня. Папа Мелоди играл на пианино, а мама большим пластмассовым черпаком разливала всем малинового цвета пунш. Гости дружно толпились на пожарном выходе за кухней, куря трубки и сигареты, а утром Мелоди, просыпаясь, обнаруживала у себя в комнате чужих детей, уложенных спать на полу. Но она ничуть этому не возражала. Это было в порядке вещей.

Это были ее жизнь, ее семья, ее привычный мир.

Однако, когда ей было три с половиной года, в ее жизни, в ее семье, да и во всем ее привычном мире случилась серьезная и бесповоротная перемена.

И все это произошло из-за младенца, который так и не появился у них в доме.

Однажды, чудесным майским утром, мама объявила ей, что в ее животике подрастает крохотный малыш. И хотя жизнь Мелоди и до этого сообщения была вполне замечательной, казалось, что после этого она стала еще прекраснее. В то лето они все вместе отправились на время отпуска пожить в снятом загородном коттедже. Там в специальном вольере в саду жил большой кролик. Звали его Мистер Шлёпсайкл, и он с удовольствием ел из рук Мелоди душистый сельдерей. Мама с папой все время обнимались и держались за руки. А когда они вернулись в Лондон, то Мелоди перестала ездить в дом к тете Пам, а начала ходить в детский сад на Лоллард-стрит, где ей давали молоко уже в картонной коробочке, а не в бутылке.

Как-то раз, забирая ее из садика, мама сказала, что только что почувствовала, как ребенок в ней впервые зашевелился. И от этого она, казалось, стала еще счастливее. А потом мама стала расти все больше – и не только животом, но и вообще, в целом. Когда Мелоди вместе с ней купалась в ванне, то хорошо видела, какая у матери изрядная масса – в стенки ванны она вжималась, точно огромная мягкая губка.

После Рождества мама Мелоди сделала себе короткую, почти квадратную стрижку с челкой. Прежде волосы у нее были длинные, почти до попы, и часто путались, и Мелоди не могла с уверенностью сказать, нравились ли ей они, тем более что лицо у матери теперь заметно изменило форму. Сама мама между тем сказала, что, когда появится ребенок, меньшее, с чем ей хотелось бы возиться, так это «со всеми этими волосами».

А потом, однажды вечером, когда мама Мелоди стала уже совсем большущей – такой, что не могла уже ходить на работу и даже с трудом вставала с дивана, – она стала вдруг издавать непривычные громкие звуки и заперлась в ванной, а папа объяснил девочке, что ребенок вот-вот появится на свет. Чуть позже появилась какая-то тетя по имени Марселин и засела вместе с мамой в ванной.

Все были сильно взволнованы, и Мелоди разрешили даже не ложиться спать, хотя, как без конца повторял ей папа, была уже середина ночи. В конце концов Мелоди все же прикорнула на диване, и кто-то укрыл ее пледом. Когда она проснулась, было уже утро, а у мамы все еще не закончились роды. Никто даже не заикнулся, что Мелоди надо отправляться в садик или есть хлопья, или хотя бы одеваться, а потому девочка просто уселась в углу гостиной за своим маленьким деревянным столиком и принялась раскрашивать картинки мелками из большой коробки.

Несколько минут спустя к ним приехали тетушка Мэгги с Клэр и Николь, старшими двоюродными сестрами Мелоди. Мэгги была маминой старшей сестрой, и обычно они очень походили друг на друга – чего не сказать было теперь, когда мама сильно изменила облик и прическу. Тетушка с дочками оставались у них до тех пор, пока не приехала «Скорая», и тогда они увезли Мелоди к себе домой, в Илинг. Когда маму увозили на «Скорой», Мелоди помахала ей ладошкой, и мама помахала ей в ответ, и лицо у нее было такое, будто она сейчас расплачется.

– Будь умницей, слушайся тетю! – сказала ей мама. – Скоро увидимся – когда ты станешь сестрой.

Мелоди пробыла у тети Мэгги целых два дня и две ночи. Никто так и не объяснил ей, почему она до сих пор не у себя дома и не сидит на маминой постели, разглядывая новорожденную малышку и пытаясь разобраться в своих чувствах к сестренке.

На третье утро Мелоди, проснувшись, обнаружила перед собой кота тетушки Мэгги, Бутса, который терся о ее лицо своими пахнущими рыбой усами. Потом он улегся ей на грудь, и девочка почувствовала какую-то смутную тревогу.

– Слезай, Бутс, – сказала Мелоди громким шепотом, чтобы не разбудить сестер. – Брысь!

Издалека она услышала, как в доме зазвонил телефон, и, согнав кота с груди, села на кровати. Сквозь стену она различила приглушенный, сонный голос тети Мэгги.

На стене спальни Николь висел написанный красками портрет испанской девушки. У нее были темные волосы с ярко-синими глазами и заткнутая за ухо роза. Губы ее были очень красными, словно она только что наелась черной смородины прямо с куста, а платье – сплошь в белых точечках, будто под снегопадом. Мелоди не отрываясь разглядывала картину, одновременно слушая, что говорила по телефону Мэгги. Голос у той менялся от сонного к озадаченному и взволнованному: сначала тихий, потом громкий, и, наконец, опустился тяжелым приговором слова «нет».

Юная испанка, казалось, с любопытством посмотрела на Мелоди, как будто ей тоже очень хотелось знать, о чем там говорят по телефону. И девочка обнадеживающе улыбнулась испанке, словно пыталась уверить ту, что все будет в порядке.

Через несколько минут Мэгги пришла в спальню Николь. На ней был голубой пеньюар, расшитый птицами, а длинные волосы заплетены в косу. Тушь на ее ресницах, обычно лежавшая очень аккуратно, теперь была смазана под глазами, как будто женщина утирала слезы, и выглядела тетушка совсем не такой красивой, какой бывала обычно днем.

– Ой, ты уже проснулась, – улыбнулась она, увидев Мелоди.

– Да, – ответила девочка. – Я услышала, как звонит телефон.

Мэгги кивнула.

– Это был твой папа.

– Что, малыша уже везут домой?

– Нет, – ответила тетушка, большим пальцем погладив Мелоди по щеке. – Малыша домой не привезут.

Мелоди отвернулась от Мэгги и подняла глаза на испанку, надеясь, что та вдруг выкинет что-нибудь эдакое, неожиданное, чтобы это жуткое предчувствие исчезло. Однако та ничего не сделала – просто стояла в своем красном платье в мелкий горошек, все с той же пытливостью во взгляде.

– Малышка родилась очень слабенькой. Врачи старались как могли. Они делали все, чтобы улучшить ее состояние, но ничего не помогло. Крошечка тоже очень старалась выкарабкаться, но она была слишком уж маленькой и слишком слабой, и она перестала дышать. Ты знаешь, что случается, если перестать дышать?

Мелоди уже знала, что будет, когда перестанешь дышать, и потому кивнула:

– Тогда умираешь?

– Именно, – ответила Мэгги, – умираешь. Мне ужасно жаль, милая ты моя деточка, но именно это и случилось с твоей маленькой сестренкой. Она перестала дышать. И твои мама с папой очень, очень из-за этого горюют. И знаешь, что они мне сказали? Они сказали, что единственное, отчего они смогут почувствовать себя лучше, так это увидеть свою ненаглядную, большую и храбрую девочку. Ну что, будем собираться? Давай оденем тебя и отвезем домой, там ты увидишься с мамочкой и папочкой.

Мелоди быстро обдумала ее слова. Оставшись здесь, она могла бы подольше поглядеть на испанскую девушку – а вдруг той удастся все же каким-то образом переиграть последние две минуты ее жизни? Тогда она сможет спуститься вниз, поесть на завтрак сладких хлопьев вместе со своими старшими кузинами и проводить их до школы, а потом зайти куда-нибудь с тетей Мэгги съесть по кусочку тортика и уже тогда отправиться домой – в это чудесное, счастливое место, где ее будет ждать новорожденная сестренка.

– Я очень хочу кушать, – сказала она наконец. – Можно мы сначала позавтракаем?

Мэгги дала ей сладких воздушных зерен с молоком, вручив необычной формы пластиковую ложку, и Мелоди изо всех сил постаралась есть аккуратно, ничего не уронив на свою футболку. Но пара зерен все же упали ей на колени, и Мэгги сразу вытерла их влажной тряпочкой. Николь и Клэр, уже в серой школьной форме, ели на завтрак тосты и были на сей раз не такими шумными.

Подбросив дочек до школы, тетушка Мэгги отвезла Мелоди обратно в Ламбет и вместе с ней зашла в тесный обшарпанный лифт, чтобы подняться на второй этаж. Когда они оказались у двери ее квартиры и позвонили, Мелоди прильнула

к тете и взяла ее за руку, неожиданно испытав волнение и нерешительность. Дверь открыл папа. Подбородок у него был порядком заросший, глаза красные, а футболка казалась сильно поношенной и свисала, точно кожа у древнего старика.

– Привет, горошинка, – сказал он и, наклонившись, подхватил на руки Мелоди, крепко прижал к себе.

Пахло от отца, как от залежалого чайного полотенца, но все же Мелоди прижалась к нему в ответ, потому что знала, что именно этого сейчас хочет от нее папа.

– А где мама? – спросила она.

– В кровати. Хочешь с ней увидеться?

Мелоди кивнула, и папа опустил ее на пол и взял за руку.

– Мама ужасно устала, – предупредил он, – и очень расстроена.

Девочка опять кивнула.

Перед дверью в родительскую спальню Мелоди на миг застыла, потому что, хотя ей и было всего четыре, но каким-то непостижимым образом она поняла, что здесь, по эту сторону двери, лежит ее прошлое, а по другую сторону – будущее, и это мгновение – самое последнее, что довелось ей провести в своем прежнем мире.

Когда дверь открылась и девочка приблизилась к лежащей в постели матери и увидела ее непривычную квадратную прическу, словно прилипшую к голове, и ее мятую, перепачканную футболку, и ту безучастную улыбку, с которой мама глядела на нее, будто забыв, кто она такая, – Мелоди поняла, что, увы, была права. Она очутилась в другом мире. Совершенно в другом.

2006 год

Когда наутро Мелоди открыла глаза, у нее вдруг возникло очень странное чувство. Она не стала говорить об этом Эду, поскольку сама еще толком не понимала, как это состояние описать. Да и было это, в сущности, настолько мимолетно и малозначительно, что, стоило ей мысленно переключиться на что-то более насущное, как она сразу об этом позабыла. Казалось, будто некто проник в ее сознание, устроил там ужасный беспорядок, а потом все снова быстренько прибрал и, уходя, запечатал как было. Однако этот некто не сумел все положить на прежние места, и теперь Мелоди ощущала в себе непривычный разлад.

Все вокруг нее как будто несло в себе сверхчувствительный резонанс. В это утро Мелоди долго смотрела на свою зубную щетку, прежде чем сунуть ее в рот. У нее было странное чувство, будто эта щетка не ее, – и в то же время она испытывала непонятную уверенность, что уже мгновение назад почистила зубы. У кофе оказался непривычный вкус, как будто она пробовала его впервые в жизни и только сейчас заметила его терпкую горечь. Когда она в то утро посмотрела на себя в зеркале, пытаясь решить, пора ей или еще нет мыть голову, то на долю секунды ощутила некую отстраненность, чуждость увиденного отражения, что порой случается, когда неожиданно замечаешь себя в витринном окне. Некоторые ощущения Мелоди были знакомы, ей уже доводилось когда-то их пережить. С шести месяцев до полутора лет Эд спал всего по два часа, и целый год Мелоди пребывала в этаком полувоздушном состоянии хронического недосыпа, когда периферия сознания оставалась постоянно размытой, и все действия и реакции Мелоди были какими-то притупленными. Вот и теперь у нее появились точно те же ощущения. Словно она перестала быть собой. Словно ее выпотрошили и набили чем-то посторонним. С ней определенно было что-то не так.

Нынешний день сам по себе казался солнечным и теплым – таким же, как накануне и как за день до этого. Однако дувший за окном спальни ветер, посвистывавший в листве ближнего дерева, как будто развил поистине сверхзвуковую скорость, высоко гудя этаким ровным полутоном.

С кухонной тумбы Мелоди призвал к себе мобильный телефон, который она оставляла там на ночь заряжаться. Звонивший высветился как «неизвестный», но все же, радуясь, что ее отвлекли от странных мыслей, Мелоди нажала

«ответить». Оказалось, звонил Бен.

– Я не слишком рано?

– Нет-нет, нормально, – поспешно ответила Мелоди. – Я уже встала.

– Я просто беспокоился, как ты. Не мог даже как следует уснуть сегодня. Все думал о том, что вчера произошло. Тебе не кажется, что это как-то вызвано самим номером? Тем, что тебя загипнотизировали? А вдруг он…

– Что?

– Вдруг он и впрямь что-то сделал с твоим мозгом?

– Почему ты так говоришь?

– Ну, это же произошло почти синхронно. То есть ты отключилась буквально в тот момент, как он прищелкнул пальцами. Просто это кажется несколько…

– Знаю, да. Странно. И чувствую я себя тоже немного… странно.

– Правда? – забеспокоился он. – В каком смысле?

– Даже не знаю. Как будто какой-то… незаконченной, что ли.

– Незаконченной?

– Да. Точно недосложенный пазл, или распускающийся моток пряжи, или… – Тут она запнулась. Как только с ее губ слетели слова «моток пряжи», в сознании вспыхнуло короткое воспоминание. Яркая картинка из реальной жизни: лежащий в корзинке моток бледно-голубой ангорской шерсти, маленькая детская ручка и стикер с ценником «20 пенсов». Исчез этот образ так же стремительно, как и появился. Мелоди отпустила дыхание.

– Ты в порядке?

– Угу, – выдохнула она.

– Тебе не кажется, что следует кому-нибудь показаться?

– Кому? Какому-нибудь мозгоправу?

– Нет. Всего лишь… Ну, я не знаю, кому-то, кто в этом действительно что-то смыслит. Просто на всякий случай.

У Мелоди не было ни малейшего желания с кем-то общаться по этому поводу. Она и сама пока не понимала, что именно с ней происходит.

– Нет, – с излишней живостью ответила она, – не думаю, что все так уж плохо. Знаешь, тут скорее просто одно на другое наложилось: вино, нервы, адреналин.

Бен немного помолчал.

– Ну… может, и так, – явно не убежденный ее словами, произнес он. – В общем, я действительно хотел удостовериться, что с тобой все в порядке. Ты вчера умчалась в такой спешке, что я даже не успел с тобой толком попрощаться.

– Да, извини, что так вышло.

– И мне по-прежнему очень мало о тебе известно.

– Ну, можешь мне поверить, про меня и знать особо нечего.

– Да ладно. Я уже знаю, что ты мать-одиночка, что ты буфетчица…

– Работник столовой.

– Ах да, извини. Работник столовой. Что ты живешь в Ковент-Гардене…

– В муниципальной многоэтажке.

– Да, но все равно она находится в Ковент-Гардене. Вот и все, что я знаю. Тем не менее нет такого понятия, как человек без истории. Послушай, мне действительно очень хочется встретиться с тобой еще. Без всяких там фокусников и обмороков на сцене. Может, увидимся на следующей неделе?

Мелоди села и переложила телефон к другому уху. Это было самым неожиданным для нее оборотом событий, и она даже не знала, как на это реагировать.

Восприняв ее молчание как отказ, Бен вздохнул:

– Ну да, я понимаю…

– Нет, – спохватилась Мелоди. – Просто я никак не думала, что ты этого захочешь, и меня твое предложение немного озадачило. Только и всего.

– Уж не знаю, чем ты так озадачена, – усмехнулся Бен, – но если ты сумеешь-таки оправиться от шока из-за того, что тебя пригласили поужинать, то я свободен в пятницу.

Тут из своей комнаты появился Эд. Со всклокоченными, точно пропаханными сохой, черными волосами, с крепким и мускулистым юношеским торсом, с безволосой грудью, с торчащими из серых боксеров тонкими белыми ногами. Он сонно пробурчал ей обычное «с добрым утром», и Мелоди, улыбнувшись, потрепала его за загривок.

– Э-э, я не могу пока что точно сказать насчет пятницы, – сказала она в трубку, – мне кажется, что-то у меня на этот день уже намечено. Я позвоню тебе, хорошо? На неделе?

– Вот это уже точно сильно смахивает на отказ, – усмехнулся снова Бен.

– Нет, – заволновалась Мелоди, – вовсе нет. Ничего подобного. Просто обсудим это позже, ладно?

Она поспешно дала отбой. Пальцы ее мелко дрожали.

– Кто это был? – полюбопытствовал Эд, вытряхивая в миску медовые кукурузные хлопья.

– Бен. Тот самый, давешний кадр.

– То есть ты его не отфутболила?

– Ну, судя по всему, нет. Хочет встретиться со мной еще раз. В пятницу.

– Классно, – отозвался Эд и, плеснув в миску молока, понес свой завтрак к столу в гостиной. – А сама-то ты хочешь с ним пойти?

Мелоди задумалась. Бен вроде бы просто не мог ей не понравиться – легкий в общении, остроумный, внимательный. Он был из тех мужчин, с которыми непременно познакомили бы одинокую женщину ее заботливые друзья. Хорош во всех отношениях. И притом достаточно симпатичный. Но она не могла решиться пройти через все это еще раз: через все волнения и опасения, через свою стеснительность. И что будет ждать ее в итоге? В следующий раз ей уже не выпадет столь убедительный вариант с обмороком, чтобы так легко и по-быстрому улизнуть. В следующий раз их совместный вечер будет неуклонно развиваться в сторону обычного, шаблонного финала: поцелуй, чашечка кофе, полномасштабный секс, неловкое расставание. И что потом? Кому-то, как ни крути, придется переживать боль и обиду, и было ясно как божий день, что этим «кем-то» окажется она.

– Нет, – покачала головой Мелоди, – нет, я так не думаю. Он совсем не моего типа.

– 5 –

1977 год

С забавной сосредоточенностью на лице папа стоял перед шкафом в ее спальне, перерывая дочкин гардероб.

– Мне кажется, там не будет настолько тепло, чтобы надеть зеленое платье, – рассудил он. – Думаю, тебе надо что-нибудь с длинными рукавами.

– Нет! – уперлась Мелоди. – Я хочу быть в зеленом платье!

– Ладно, хорошо, – вздохнул отец, – успокойся. Пусть будет зеленое. Но тогда тебе надо что-нибудь поддеть снизу. Где все твои майки?

Мелоди тоже вздохнула, встала на ноги и подошла к шкафу.

– Вот здесь, на этой полке.

– Ну так выбери сама.

Мама ни за что не предложила бы ей выбрать себе майку. Мама в вечной спешке просто крутилась по комнате, доставая с полок и из ящиков нужную одежду и быстро натягивая все на Мелоди. Обычно девочке не было надобности задумываться о своей одежде. Теперь же ей приходилось размышлять о многом таком, о чем прежде она никогда не думала. Например, когда время садиться пить чай? Или какой сегодня день недели? Или как сделать так, чтобы мама снова стала счастливой и радостной?

Мелоди быстро выглянула из окна. Там было далеко не то, что мама назвала бы «расчудесным днем». Утро было каким-то серо-лиловым, как синяк. И впрямь, как тот синяк, что растекся у нее на локте, когда она свалилась со своего детского стульчика в кухне, пытаясь сама дотянуться до пачки бисквитного печенья, поскольку никто на ее зов не пришел, а ей очень хотелось его съесть. Тот синяк был не просто лилово-серым, там было еще что-то зеленое, с красным и влажным пятном в середине, где ободралась кожа. Папа сразу закрыл ранку пластырем, но вечером в ванне пластырь отошел, а нового Мелоди не попросила. Она вообще не любила о чем-то просить, потому что от ее просьб, казалось, все только тягостно вздыхали.

Она выбрала футболку с ярко-красным передом и оранжевыми рукавами и с каким-то словом на груди. Так, рассудила Мелоди, ее маме будет на что посмотреть, кроме серого и темно-лилового вокруг, и это, может быть, поднимет ей настроение.

– А еще тебе понадобятся колготки, – сказал папа.

Она достала из ящика с колготками пару ярко-красного цвета и нашла себе желтые трусики.

– Я могу надеть синие туфельки, и тогда на мне все будет разного цвета.

– Отличная идея, – кивнул папа, стягивая с нее ночную рубашку. – Очень впечатляюще.

Через минуту они зашли к маме показать, что получилось. Та сидела и расчесывала волосы. Когда они вошли в комнату, женщина резко обернулась.

– Смотри! – воскликнула Мелоди. – Красный, розовый, оранжевый и зеленый. А еще желтые трусики и синие туфли.

– Впечатляюще, – произнесла мама таким же совсем не впечатленным тоном, что девочка только что слышала от отца. – Ты у нас как маленькая радуга.

Мелоди улыбнулась и обхватила мамины колени, умиленная этим сравнением с радугой. Мать отсутствующе погладила ее по волосам и встала. Одета она была в широкий серый сарафан с большими карманами, который носила, будучи беременной, и черную водолазку с высоким горлом. Волосы были стянуты позади, и в них виднелось множество заколок, призванных сохранять прическу аккуратной, поскольку длины волос уже не хватало, чтобы как следует их уложить.

– Ну что, пошли? – молвила мать.

Мелоди кивнула и сунула свою ручку в ладонь матери. Однако мама не взяла, как надо, ее за руку, и кисть Мелоди выпала из ее пальцев, точно скользкий кусок мыла.

Кладбище оказалось совершенно жутким местом. Оно было очень большим и каким-то беспорядочным. Там виднелось множество странных остроконечных

деревьев и статуй со сколотыми кусками. Увидев своих двоюродных сестер Клэр и Николь, Мелоди очень обрадовалась и в какой-то момент даже испытала порыв убежать с ними куда-нибудь и вместе поиграть, как это бывало обычно. Но тут она посмотрела на длинное черное пальто Мэгги, на ее губы с печально опущенными уголками и вспомнила, что приехали они сюда хоронить новорожденного, так что навряд ли ей позволят поиграть. А потому Мелоди тоже опустила уголки губ и пошла вслед за родителями к выкопанной в земле яме, выстеленной шелком кремового цвета. В обычный день ей бы непременно захотелось залезть в эту шелковую нору и прикинуться озорной феечкой, но она знала наверняка, что скажут ей мама с папой, если она это выкинет сегодня. Поэтому Мелоди постаралась стать на время взрослой и печальной и с чопорным лицом остановилась возле ямы, выбросив из головы все мысли об играх и забавах.

По дороге к кладбищу подъехала черная машина, из нее вышли двое. Одеты они были в черные костюмы, точно банкиры, притом у одного были невероятно странные, словно у куклы, волосы.

– Пап, – подергала Мелоди отца за рукав, – а почему у этого дяди такие смешные волосы?

– Тш-ш, – отозвался тот.

– Но все же, что там у него такое?

– Что ты имеешь в виду? – наклонился к ней отец.

– Это у него настоящие волосы? Или какой-то парик?

– Не знаю, – нетерпеливо ответил папа. А потом отошел от Мелоди к этому дяде с ненастоящими волосами. Они о чем-то тихо переговорили между собой, после чего вытащили сзади из машины ящичек. Он тоже был кремового цвета, с серебристыми ручками, а сверху на нем лежали цветы. Это была она. Ее сестренка. Дитя, которому так и не довелось попасть домой. И на какое-то время у Мелоди отпала надобность изображать из себя взрослую и печальную, потому что она стала такой на самом деле.

Мужчины поднесли ящичек к проделанной в земле яме, и священник стал говорить разные серьезные вещи, а вокруг слышались всхлипы и шмыганье носом, ибо все взрослые плакали и тяжело вздыхали. Мелоди же никак не верилось, что в этом ящичке действительно лежит ребенок – самый настоящий крохотный ребенок, разве что только мертвый, – и что она так и не увидела его лица.

Пока священник говорил, между деревьями загулял ветер. Дул он понизу и довольно сильно, теребя подол зеленого платья Мелоди и отбрасывая ее золотистые кудряшки на лицо, так что ей стало почти не видно, что происходит. Убрав наконец волосы с глаз, она обнаружила, что кремовый ящичек уже опускают в яму с кремовым шелком и что тетушка Мэгги плачет уже по-настоящему, и плачут даже Клэр и Николь – и что они втроем единственные здесь дети. Следующее, что увидела Мелоди, – это как ее мать стоит возле ямы на коленях, выпачкав землей свой серый сарафан, и издает очень странные звуки. Они сильно походили на ее вопли в тот день, когда должно было родиться дитя. Это напоминало скорее крики коровы или пони, или даже лисы, которая порой завывала за окнами того деревенского домика, где они жили летом, когда ребенок был еще у мамы в животе. От этих звуков Мелоди почувствовала себя очень неуютно и неловко, как будто мама делала что-то нехорошее, неправильное. А потом та начала выкрикивать: «Деточка моя! Моя малютка!» – причем снова и снова, и Мелоди было забавно это слышать, потому что прежде, до появления другого дитя, мама обычно так называла ее.

Тетя Мэгги и папа подошли к матери, чтобы оттащить ее от ямы, а она стала яростно вырываться, отбиваясь руками. Лицо у нее было красным, а платье очень запачканным, и выглядела она, как та тетя, что постоянно обитала на тротуаре возле церкви, подложив под ноги газету и поместив весь свой скарб в стоявшую рядом магазинную тележку.

Тогда отец Мелоди с силой притянул маму к себе, крепко обхватив ее руками, и с минуту она словно пыталась избавиться от смирительной рубашки – прямо как весь закованный цепями человек, которого Мелоди однажды видела по телевизору. Потом вдруг мама перестала вырываться, став тихой и послушной, и дальше стояла в объятиях папы, точно большая тряпичная кукла.

На мгновение на кладбище воцарилась полная тишина. Даже ветер перестал дуть, и никто не шмыгал и не всхлипывал. Казалось, будто все они играют в «музыкальные статуи». Поглядев на маму с папой, Мелоди подумала о том, как

непривычно они сейчас выглядят, прижавшись один к другому. Обычно, обнимаясь, они смотрели друг на друга или смеялись, устраивая веселую возню. Теперь же это смотрелось так, словно папа спасает маму от какого-то несчастного случая – будто она стала тонуть в бассейне, и он вытащил ее из воды.

Это был последний раз, когда Мелоди видела своих родителей в объятиях друг друга.

– 6 –

2006 год

К полудню, когда она вышла из дома, начал накрапывать дождь – та унылая, гнетущая морось, от которой сразу тускнеют краски яркого летнего дня. Мелоди направилась к метро, просачиваясь сквозь целые толпы шопоголиков, наводнявшие по воскресеньям Ковент-Гарден. Ноги у нее торопливо ступали по серым лужам, и лондонская грязь округлыми брызгами отлетала ей на икры. Мелоди направлялась в Хакни, в гости к своей сестре на барбекю. Точнее, не к настоящей сестре, но к настолько близкой подруге, что та была ей как сестра. Они со Стейси жили в соседних комнатах хостела, когда им обеим было по пятнадцать и обе были беременны. И хотя Стейси была того же возраста, что и она, но, в отличие от Мелоди, у той сейчас был муж, двое детей-подростков и еще трехлетняя малышка.

По пути к подземке Мелоди заглянула в «Marks & Spencer», купив на всякий случай ребрышек, упаковку стейков из семги и бутылку красного игристого вина. На кассе ее обслуживала женщина с очень короткой прической в стиле «афро» и с круглым улыбчивым лицом.

– Доброе утро, милая леди, – произнесла та с легким южно-африканским акцентом. – Как дела у вас сегодня?

– Отлично, спасибо, – ответила Мелоди. – А у вас?

– О, у меня замечательно! Правда, замечательно.

Женщина снова улыбнулась и поводила бутылкой над сканером.

– Нынче, увы, не самый лучший день для барбекю, – показала она рукой на дождь.

– Да уж, – кивнула Мелоди. – Но все же надеюсь, что пока я туда доберусь, все уже просохнет.

– Буду за вас молиться, – сказала кассирша.

Мелоди опять ей улыбнулась и взглянула на имя женщины, что значилось на бейджике, приколотом на груди.

Эмеральд.

Она хотела было сказать, какое у той красивое имя, как вдруг перед ее мысленным взором снова вспыхнул моментальный снимок из прошлого, невероятно яркий и живой.

Раскрытый номер газеты на сосновом столе. Кружка в сине-белую полоску. Женские ноги в джинсах с заплатой на колене и в желто-серых носках.
И детский голос: «Эмеральд?» И отвечающий ему женский голос: «Да, есть такой зеленый камень»[2 - Женское имя Эмеральд происходит от английского названия изумруда, звучащего как emerald.].

На этом фрагменте картинка исчезла, и Мелоди обнаружила, что стоит перед кассой в «Marks & Spencer», с полуоткрытым ртом и упаковкой стейков в руке.

Она поспешно забрала свои пакеты, улыбнулась напоследок женщине по имени Эмеральд и, выйдя из магазина, направилась к подземке.

– Ну что, – спросила Стейси, – как у тебя дела с кавалером из четырнадцатого автобуса?

Мелоди налила себе еще бокал красного игристого и поморщилась:

– М-м-м-м.

– Да что ты!

– Да нет, все было отлично. В смысле, он был – лучше не придумаешь. Вот только вечер у нас вышел… каким-то ненормальным.

Она рассказала Стейси, как ее загипнотизировали, как она отключилась на сцене, и уже хотела было поведать подруге о странных ощущениях, которые у нее после этого возникли, но вовремя представила тот разговор, что неминуемо последует, и умолкла. Стейси всегда резко и уничижительно отзывалась обо всем, что считала хоть сколько-нибудь «альтернативным» или «потусторонним». Она не верила ни в призраков, ни в гадание Таро, ни в прошлые жизни, и определенно не верила и в гипнозы. Для нее существовало только то, что видимо и физически осязаемо. На все прочее она презрительно фыркала, бросая: «Чушь собачья!» или «Полнейший вздор!» Стейси и времени не стала бы тратить ни на какие необъяснимые и загадочные флешбэки в ее памяти. Она бы просто сказала: «Плюнь и разотри! Это просто сознание сыграло с тобой такую шутку».

– У тебя все в порядке? – встревоженно посмотрела на нее Стейси.

Мелоди прикурила сигарету и пожала плечами:

– Ну да, вполне.

– Хорошо, – ответила Стейси. – Просто выглядишь ты как-то… как будто не в себе. Ты уверена, что тебе больше нечего мне рассказать?

Мелоди кивнула и глубоко затянулась. Это была ее первая сигарета за весь день, даже первая за сутки, и вкус у нее был, как и у утреннего кофе, – каким-то сильно непривычным. Мелоди рассеянно взглянула на пачку: вдруг взяла какую-то не ту марку? Но нет, это явно были ее сигареты – ее любимые «Мальборо Лайтс». Привкус у сигарет был пыльный и затхлый, и ощущались они не как табак, а как какая-то грязь с дороги – причем именно так воспринимала она

сигареты, когда только забеременела Эдом.

С брезгливостью глянув на сигарету, Мелоди загасила ее.

– Ты чего? – удивленно спросила Стейси, глядя на торчащий из пепельницы длинный окурок.

– Не знаю, – отозвалась Мелоди. – Вкус у нее какой-то не такой.

– Ха! – усмехнулась подруга. – Похоже, этот господин Джулиус внушил тебе под гипнозом отвращение к никотину.

– О боже, – поглядела на пепельницу Мелоди. – Ты так думаешь?

– Ну, я, во всяком случае, такого за тобой еще не замечала. Ни разу в жизни! О, слушай, а он не может меня так загипнотизировать, чтобы я разлюбила шоколад?

– А, ну да, и внушить вместо него тягу к сексу!

Стейси рассмеялась, а ее муж Пит ухмыльнулся за барбекю, где он переворачивал бургеры:

– Я б за такое даже приплатил.

В воздухе после недавнего дождя было еще влажно, однако под надолго воцарившимся на небосклоне летним солнцем все вокруг быстро подсыхало. Малышка Кловер сидела за маленьким пластиковым столиком, пухленькими ручками расставляя миниатюрные чашечки и блюдечки, а норфолк-терьер Матли, фыркая, тузил у ее ног мягкую игрушку. И, как всегда, все вместе они являли картину благословенного семейного счастья.

Взрослая жизнь у Мелоди и Стейси началась практически одновременно и с одной отправной точки: пятнадцать лет, беременна, одинока, без дома и семьи. Однако уже через год после того, как с разницей в неделю родились их первенцы, жизнь Стейси приняла совершенно иное направление, потому что в семнадцать лет она встретила Пита. Спокойный, сильный и надежный Пит

крепко на нее запал и взял в жены даже с чужим ребенком. И теперь, когда они обе уже приближались к среднему возрасту, у Стейси был свой маленький уютный домик в Хакни, двое уже больших подростков, нежданная красавица-малышка и незыблемое чувство удовлетворенности. Стейси и Мелоди во многом были очень похожи, и какое-то время казалось, будто и жизнь у них будет протекать примерно одинаково. И все же с того момента, как обе они в пятнадцать лет обнаружили, что беременны, жизнь у Стейси как раз началась, а у Мелоди – обрушилась на самое дно.

– 7 –

1988 год

Падение на это самое дно длилось у Мелоди не день, не неделю и не месяц. Это продолжалось всего мгновение. И для Мелоди все выглядело следующим образом.

Комнатка десять на десять, с рваными тюлевыми занавесками и старенькой ржавой электроплиткой «Baby belling». Незастеленная односпальная кровать и кресло, закиданное одеждой.

Ее беспомощно лежащие на коленях руки, в них – истерзанный обрывок бумажного полотенца. Звук захлопнувшейся внизу парадной двери и сердитый рев скутера Тиффа, уезжающего в ночную тьму.

Внезапно наступившая тишина и невыразимое отчаяние в момент полного осознания случившегося: она совсем одна, в этой сырой и убогой съемной комнате. И она беременна.

Ее только что бросил парень. И Мелоди даже не уверена, что ребенок от него.

Возле ее ног стояла бутылка джина. На кровати валялась упаковка цитрамона. Мелоди перевела взгляд с джина на таблетки, потом снова посмотрела на свои развернутые кверху ладони. Попыталась представить в этих руках младенца. Дитя, которое может оказаться похоже на Тиффа, а может – и на того мужчину,

чьего имени она так и не узнала, поскольку тогда некогда было это выяснять. Она попыталась вообразить, как эти руки мажут кремом крохотную детскую попку, как залепляют «липучку» на подгузнике, как прицепляют к перекладинам кроватки балдахин. Попыталась представить – и не смогла.

Посидев еще немного, она до самых краев наполнила чашку джином, извлекла из упаковки цитрамон и, выложив все десять таблеток на ладонь, закинула их в рот. Запила лекарство джином, налила еще чашку и выпила в три больших и гадостных глотка.

Из холла внизу слышалось, что ванна набралась уже почти полная. Стиснув пальцами полотенце, Мелоди на цыпочках пробралась через лестничную площадку. И вот именно здесь, посреди лестничной площадки, с полным таблетками и джина желудком, уже видя ванную, из которой через приоткрытую дверь выбивался пар, и будучи на полпути к тому, чтобы убить свое дитя, Мелоди и ощутила его – это холодное, грязное и жесткое дно жизни.

Потом она забралась на кровать, подтянув к груди колени, отбросила в сторону рассыпавшиеся по голым плечам влажные пряди волос и заплакала тихими горючими слезами, прижав к лицу старенького мехового мишку.

– 8 –

2006 год

Солнце сияло вовсю, и в Блумсбери полно было студентов из университетского колледжа, а также офисных тружеников, выбравшихся в свой перерыв позагорать на травке. Летний воздух приятно обволакивал ее прохладную кожу. Обычно после работы в такие теплые летние деньки Мелоди любила выпить лагера или охлажденного белого вина, однако сегодня ей внезапно захотелось освежиться стаканом лимонада.

Она завернула в кафе на Сицилиан-авеню, заняла столик на улице и заказала лимонад. Его принесли в высоком запотевшем стакане с желтой соломинкой и плавающим на поверхности серпиком лимона. Посмотрев пару мгновений на

напиток, Мелоди поднесла его к губам… и в голове у нее возникла новая картинка.

Пластиковая столешница, розоватые банкетки, мотоциклетный шлем в каплях дождя, стакан лимонада и огромный стеклянный кубок с мороженым. Три шарика ванильного пломбира с растекающимся яркими струями клубничным сиропом, забавной формы вафелька и ложка с длинной ручкой.

И мужской голос, говорящий: «Сожаление и раскаяние на самом деле куда хуже любых ошибок, которые мы способны совершить. Гораздо хуже…»

Затем тихий девчоночий голос: «А я так и останусь здесь, в Бродстерсе?»

«О, сильно в этом сомневаюсь. В Бродстерсе вообще никому не следует задерживаться навсегда».

Затем видение исчезло, и в ее сознании вспыхнуло имя.

Кен.

Именно так звали того человека. Мужчину в мотоциклетном шлеме, с длинными пальцами, говорящего эти мудрые слова о раскаянии.

Кен.

Но прежде чем Мелоди успела как-то ухватиться за этот обрывок воспоминания и извлечь из него некий смысл, оно улетучилось, и она вновь оказалась за уличным кафешным столиком в Блумсбери, оцепенело глядя в стакан с лимонадом.

Она достала сумочку и, положив на колени, дрожащими пальцами раскрыла ее, выудив оттуда пачку сигарет и зажигалку. Однако, еще не успев закурить сигарету, Мелоди поняла, что курить ей совсем не хочется. Кинув пачку обратно в сумку, она вздохнула.

Да что с ней такое творится? Она же прямо съезжает с катушек! Налицо все признаки того, что ее стремительно охватывает какое-то странное

умопомешательство. Эти внезапные провалы в прошлое. Эти голоса в голове. Какая-то непонятная паранойя. И это неожиданное и столь резкое отвращение к кофе и сигаретам.

Но нет, здесь было все-таки нечто иное, нежели просто сумасшествие. Бродстерс. Это название что-то для нее значило. Оно всегда для нее что-то значило, всю ее взрослую жизнь. Когда ей случалось где-то услышать это название, оно вызывало у Мелоди какой-то внутренний отклик, какую-то ностальгическую тоску, как будто бы ей несказанно хотелось снова там оказаться. А теперь всплыл еще и Кен. Она определенно знала человека с таким именем. И этот Кен был для нее кем-то очень, очень значимым. Она никак не могла воспроизвести в памяти его лица. Ни лицо, ни что-либо еще, с ним связанное. Кроме той детали, что ей только что явилась – его мотоциклетного шлема. Мелоди мысленно сфокусировалась на этом шлеме… И внезапно ей, словно тисками, сжало голову, в ушах как будто оглушающе дунул порыв ветра, она почувствовала всплеск адреналина, радостное возбуждение… И тут же все это рассеялось.

Она выложила на столик две монеты по фунту стерлингов и с полным раздраем в душе и в мыслях побрела в сторону дома, оставив лимонад нетронутым.

– 9 –

1977 год

В доме у Мелоди никто больше не улыбался. Так, как полагается улыбаться – искренне и радостно. Порой, когда Мелоди изо всех сил старалась рассмешить маму, та лишь растягивала сжатые губы и гладила дочь по волосам. Папа мог нормально улыбаться, только когда они куда-нибудь вместе отправлялись, когда они были с Мелоди вдвоем, – однако дома, в обычной обстановке, поведение у родителей оставалось крайне натянутым и сдержанным.

Они больше не устраивали вечеринок, и к ним не заглядывали в гости друзья, хотя бы просто на чай. И, странное дело, никто даже не упоминал о том, что явилось причиной этой мрачной, гнетущей атмосферы в доме – типа «Как же

я тоскую по своему погибшему ребенку!» или «Как жаль, что Романи не с нами, а в той ужасной холодной яме!». О Романи вообще никто не заикался, а потому Мелоди оставалось лишь сделать вывод, что родители так огорчаются не из-за Романи, а из-за нее. И она всячески пыталась понять, что она такого сделала, чтобы настолько их расстроить. Она всегда после завтрака или полдника относила свою тарелку в раковину, она никогда не шлепала по лужам в своих садиковских ботинках и никогда не возмущалась, если мама болезненно расчесывала ей спутавшиеся в узелки волосы. Но все равно порой случалось нечто такое, чего Мелоди не в силах была избежать – например, она падала и рвала колготки, или ненароком проливала молоко, или сердилась иной раз, когда ее спроваживали спать.

Однажды, спустя три месяца после похорон Романи, Мелоди чересчур сильно разозлилась, потому что ей велели отправляться в кровать. Был вечер пятницы, и на следующий день не надо было идти в садик, к тому же еще раньше, днем, мама на этот счет обмолвилась:

– За то, что ты такая умница, сегодня можешь, если захочется, поиграть подольше.

Но, похоже, у Мелоди представление о «подольше» сильно разнилось с маминым, и хотя ей оставалось всего-то дораскрасить двух котиков и сказала она об этом как нельзя более вежливо, мама вдруг начала на нее кричать.

– Ну, почему ты не можешь просто сделать то, о чем я тебя прошу?! – заголосила она с полными слез глазами. – Почему?!

– Я сейчас, – начала девочка. – Только…

– Никаких «только», Мелоди! Никаких возражений! Хватит! Пожалуйста! Чтоб я больше ни слова от тебя не слышала! Ни единого слова!

– Но…

– Нет! Довольно! Немедленно иди в постель!

В этот момент в глазах у Мелоди словно заискрило, сознание заволокло черно-красной пеленой, и она завопила изо всех сил:

– Я хочу только доделать котов!!!

Но вместо того чтобы закричать на нее в ответ, как она непременно сделала бы раньше, мать издала какой-то странный глухой звук, будто подавилась, выбежала из комнаты и с силой захлопнула за собой дверь спальни.

Мелоди с отцом переглянулись. Он отложил газету, прошел к спальне и, кашлянув, тихонько постучался:

– Дженни, это я.

Когда папа вошел в спальню, Мелоди положила мелок на столик, на цыпочках прокралась к родительской комнате и услышала, как они напряженно, вполголоса переговариваются:

– Неужто ты не видишь, что она, насколько может, старается тебя не сердить!

– Я знаю, да, знаю. Она такая молодец. Но я просто больше не могу…

– Чего? Чего ты не можешь?

– Меня на это больше не хватает!

– На что?

– На всё! На эту жизнь, эту семью…

– Дженни, ты нужна нам. Ты нужна Мелоди.

– Вот именно. А я больше не могу ей ничего дать. Никакой этой… любви и заботы. Мне уже все безразлично, Джон, понимаешь? Мне просто все абсолютно безразлично! Я потеряла то единственное, что имело для меня значение. Я лишилась своего ребенка.

– Джейн, да, ты потеряла дитя. Но у тебя есть еще один ребенок. Тот, которому ты крайне необходима. Тот, который тебя любит.

– Да, но ведь она-то уже не младенец, верно? Ей уже четыре года. И я ее очень хорошо знаю. Знаю ее волосы, ее голос. Знаю, что она обожает бисквитное печенье «Вискаунт» и любит раскрашивать картинки. И что она предпочитает твою мать моей матери. Мне все в ней знакомо. Вот что именно я потеряла. Не просто младенца. Не просто дитя. Я лишилась своих возможностей. Всего того, что у меня могло бы быть, – и чего я никогда больше не узнаю. И это убивает меня, Джон. Убивает всякий раз, стоит мне только закрыть глаза.

Последовала долгая пауза, и Мелоди затаила дыхание.

– Возможно, Мелоди для тебя и не единственное дитя, Джейн. Но ты – единственная ее мама. И тебе все же необходимо как-то выйти из этого состояния, потому что ты перед ней в долгу. Ты обязана быть ей матерью.

– Вот в том-то все и дело! Именно в этом! Если я не могу быть матерью Романи, то я вообще не желаю быть ничьей матерью, понимаешь?! Ничьей матерью вообще!

Мелоди бесшумно выдохнула, потом очень медленно и тихо убрала на место свои мелки и отправилась спать.

– 10 –

2006 год

Окончание летнего школьного триместра пришлось на четверг, и Мелоди испытала невероятное облегчение, выйдя в тот день из школьных ворот. Голова у нее полнилась разными мыслями и воспоминаниями. Причем воспоминания эти не являлись к ней четкой хронологической чередой – они возникали одиночными всплесками и озарениями, совершенно не связанными друг с другом, словно кто-то ножницами почикал ее жизнь на мелкие кусочки, после чего подбросил в воздух, и теперь они медленно, кусочек за кусочком, опускались на землю.

На следующий день, надеясь как-то упорядочить все эти фрагменты, Мелоди сложила небольшую дорожную сумку, надела джинсы и кроссовки и взяла билет на поезд до Бродстерса. Остановившись на платформе вокзала Виктория, она стала беспокойно озираться влево-вправо, будто ожидала, что сейчас к ней кто-то подойдет. Вскоре по громкоговорителю объявили о скором отправлении ее поезда – и с этим объявлением ей явилось еще одно воспоминание.

Голые до плеч холодные руки, лежащие на коленях. Обвислые темно-синие колготки и джинсовая юбочка.

Женский голос, говорящий: «Ну, что ж, ничего не поделаешь, придется померзнуть».

И захлестнувшая ее волна неизбывной печали.

Мелоди поежилась. Несмотря на палящую летнюю жару, ее внезапно зазнобило.

В полупустом вагоне поданного уже через мгновение поезда она заняла место у окна, надеясь увидеть нечто такое, что придаст ей уверенность: мол, едет она в нужном направлении. Однако вид из окна казался ничем не примечательным и совершенно ни о чем ей не говорящим. Так продолжалось до тех пор, пока она не оказалась уже в Бродстерсе, и тут ее подсознание словно бы вновь ожило.

Бродстерс оказался маленьким прелестным городком со стройными приморскими таунхаусами, с приземистыми, обшитыми вагонкой, летними домиками и симметричными оштукатуренными виллами в регентском[3 - Регентский стиль в английской архитектуре, также называемый «английский ампир» и возникший в пору регентства (1811–1820) принца и будущего короля Георга IV, продолжает традиции классицизма, одновременно включая элементы эклектики.] стиле. Улочки были узкими и вымощенными булыжником, вдоль них тянулись многочисленные сувенирные лавки, крытые полосатыми навесами.

Шел первый день летних каникул, и городок был буквально наводнен отдыхающими семьями. Мелоди ничего знакомого там не увидела, но, тем не менее, ее все равно не покидало ощущение, что влечет ее все же в верном направлении – словно в азарте тянет куда-то за руку своенравное дитя.

На главной улице она на мгновение остановилась, чтобы заглянуть в окно кофейни. Это был старинный дом с затейливым викторианским фасадом, с полосатыми льняными шторами на окнах. Оказавшись перед ним, Мелоди испытала внезапное изумление – как будто она только что увидела там нечто неожиданное и невероятное. Слегка завороженная этим ощущением, она постояла некоторое время у кофейни, словно ожидая, что вот-вот у нее всплывет в памяти нечто яркое и интересное, принеся с собой какие-то разгадки. Однако этого не случилось, и Мелоди двинулась дальше, надеясь, что вдруг ее «зацепит» в этом городе что-нибудь еще.

Пробродив еще примерно с полчаса по улицам, Мелоди начала было испытывать разочарование. У нее больше не было ни каких-либо флешбэков, ни просветлений памяти. Она уже стала думать, что зря теряет тут время, как вдруг с ней случились почти что один за другим два довольно примечательных события. Во-первых, она увидела один дом – высокий белый дом с узкими окнами и изогнутым, точно грустная улыбка, балконом. Память ее мигом пробудилась и выдала следующее:

Дождик, мягко, точно перышками, касающийся ее кожи.

Три чайки, кружащие над головой так близко, что видны чешуйки на их лапках.

Плюх! Точно яйцо разбилось. Всего в нескольких дюймах от ее черных теннисок! По всему тротуару – серый и мутный чаячий помет.

Звонок в дверь, прозвучавший, точно бой часов.

Возникший вскоре мужчина в дверях – с длинными волосами и выбритыми полосками над ушами. И с очень добрым лицом.

Он улыбнулся – сперва спутнице Мелоди, потом ей самой. Глаза у него были серо-голубыми, а зубы – очень белыми. На нем была голубая рубашка без воротника и потрепанные льняные брюки.

– Привет, Джейн, – сказал он ее спутнице. – И тебе привет, Мелоди. Заходите. Добро пожаловать в ваш новый дом.

Мелоди на минуту даже присела на край тротуара, чтобы прийти в себя. Это был самый сильный провал в прошлое, самый отчетливый и убедительный флешбэк. Перед ней явился мощный и неоспоримый факт. Она жила здесь, в этом доме. С кем-то по имени Джейн. Это был их дом.

Некоторое время Мелоди внимательно разглядывала строение, впивая в себя каждый его штрих – окна, дверь, свежевыкрашенные кованые решетки. Перед ней был очень красивый дом, изящный и ухоженный – разительно отличавшийся от того, что только что нарисовался в ее памяти. Тот казался обветшалым и запущенным, с позеленевшей лепниной, с облупившимися рябыми решетками.

И тот мужчина с длинными волосами. Ведь она знала того человека! Определенно, Мелоди его хорошо знала!

Тут ее внимание привлекло объявление внизу окна, и Мелоди подошла поближе.

«Имеются свободные номера»

Она позвонила в дверь. Открыла ей женщина примерно ее возраста, в фартуке. В руках у нее были желтая тряпка и банка полироля «Mr Sheen». Вид у нее был расстроенный и немного даже сердитый.

– Здравствуйте! – сказала Мелоди. – Я лишь… – Она запнулась на мгновение, еще не зная, как лучше себя вести.

Женщина нетерпеливо уставилась на нее.

– У вас есть свободные номера? – наконец спросила Мелоди.

– Есть, – резким голосом ответила та. – Но только на одну ночь. С завтрашнего дня и до конца сезона у нас уже все забронировано.

– А можно посмотреть?

– Да. Разумеется.

Женщина открыла дверь пошире и впустила Мелоди в дом. Холл внизу был красивым и аккуратным, с мозаичной плиткой на полу и бежевыми стенами, завешанными черно-белыми фотографиями с видами Бродстерса. Дом был симметричен относительно входа, и в обе стороны от прихожей уходили коридоры с дверьми. И каким-то необъяснимым образом здесь каждый угол, каждый закуток что-то значил для Мелоди.

– Комната, конечно, маленькая, – сказала хозяйка, – но для вас одной она подойдет, тем более всего на ночь.

– О, не сомневаюсь, что здесь очень хорошо, – молвила Мелоди, надеясь, что выглядит сейчас, как самая обычная женщина, занимающаяся самым обычным делом, а вовсе не как человек, терзаемый муками пространственно-временного хаоса. – А вы долго живете в этом доме?

– Ну, приобрели-то мы его шесть лет назад, но еще два года убили на то, чтобы привести все в порядок.

– Что, был вконец заброшенным?

– Практически да. Дом был в ужасающем состоянии. Мы больше года жили в трейлере.

– Ничего себе! – Мелоди даже представить не могла, чтобы эта чопорная и вся такая безупречная дамочка обитала в домике на колесах. – А кто же тут жил до вас?

– Никто, насколько мне известно. В семидесятых тут был сквот[4 - Сквот – самовольно занятое, заброшенное или пустующее помещение, чаще всего используемое под жилье или арт-пространство субкультурной или артистической коммуной.], а потом, в 1980?м, объявился хозяин дома, повыгонял всех сквоттеров, заколотил все досками и оставил строение гнить и разрушаться. Мы его купили на аукционе. Из сострадания. И из сумасшествия, пожалуй.

Она с улыбкой повернулась к Мелоди.

– Вот та самая комната. – Она толкнула дверь в маленькую каморку, выходящую окном на сад позади дома.

Комнатка оказалась очень мило обставлена – на голову выше обычных гостиничных номеров с их одеялами в цветочек и дешевыми шкафами из сосны. В ней стояла односпальная кровать с белыми одеялом и наволочкой и еще двумя черно-белыми декоративными подушками, белое французское бюро «под старину», небольшой шкаф и монохромная фотография ночного Парижа в рамочке над кроватью. Половицы были отциклеваны и покрыты лаком, все в завитках и пятнах от сучков.

– Тут чудесно, – сказала Мелоди, – просто восхитительно… Только вот я что-то не уверена, что действительно смогу остаться на ночь. Пожалуй, мне все же следует вернуться домой. У меня сынишка, и у меня есть…

Тут она запнулась, увидев особенно крупный завиток на половице, и в мозгу мигом всплыло новое воспоминание, столь же живое и отчетливое.

Свалявшийся коврик из овчины, скомканная бумажная салфетка, крашеные коричневые половицы, кровать из темного дерева, в которой кто-то лежит, и ее собственный голос, встревоженно шепчущий:

– Они вызовут полицию! И тебя посадят в тюрьму! Как ты не понимаешь, мама?! Неужто ты не понимаешь?

Мелоди резко вздохнула.

– Мама! – прошептала она громче, нежели сама ожидала.

– О, конечно, – немного смущенно отозвалась женщина. – Ничего, все нормально.

– Хм… мне уже пора, – сказала Мелоди, пытаясь вернуть самообладание. – Большое вам спасибо.

– Ну, как я уже сказала, до конца лета у меня все забронировано…

– Да, я поняла. Не беспокойтесь. Может быть, удастся осенью…

– Я дам вам наш буклетик.

Идя обратно по гостинице к прихожей, Мелоди старалась ухватить глазами как можно больше подробностей, однако новые хозяева проделали настолько великолепную работу, отделывая дом, что только лишь его планировка навевала ей ощущение какой-то знакомости.

– Скажите, а когда здесь был сквот… Случайно не знаете, кто тогда тут жил?

Женщина глянула на нее так недовольно, будто ей невыносимо было само упоминание о том, что ее дом некогда являлся пристанищем для таких сомнительных типов, как сквоттеры.

– Не имею ни малейшего понятия, – презрительно фыркнула хозяйка.

Она вручила Мелоди со вкусом выполненный проспектик и проводила гостью к двери.

– Не забудьте только забронировать заранее, – сказала она напоследок. – У нас постояльцы круглый год.

Мелоди повернулась было, чтобы пойти от дома прочь, – и тут увидела его. Оборванного и потрепанного жизнью, грязного и бородатого мужичка, сжимающего в руке жестяную банку дешевого сидра и сильно наклонившегося над ней.

– Что, потерялись? – спросил он, дохнув ей в лицо вонючим сидровым духом.

– Нет, у меня все хорошо, – попыталась проскользнуть мимо него Мелоди.

– А по мне – так потерялись. Вы уверены, что не заблудились тут у нас? А то я мог бы объяснить вам, куда идти. Я тут жил аж с семи лет. Знаю эти места, как свои пять пальцев.

Мужичок был среднего роста и, возможно, чуточку постарше Мелоди. И не будь он таким замурзанным и таким пьяным, она, глядишь, и не преминула бы

расспросить его о городке и о том, как тут все выглядело, когда он был подростком.

– Нет, честное слово, – ответила она. – У меня все в порядке. Я просто гуляю.

– Так и я тоже – гуляю, – осклабился он. Зубы у него были сильно пожелтевшими, однако для человека с улицы – на удивление ровными и целыми.

Мелоди улыбнулась ему в ответ, очень надеясь, что теперь он пойдет восвояси, оставив наконец ее в покое.

– Меня зовут Мэттью. А вас?

– Мэл, – отозвалась Мелоди, не желая говорить ему свое полное имя, поскольку опасалась, что тот сочтет его на редкость интересным и захочет продолжить беседу.

– Приятно познакомиться, Мэл. И что привело вас в Бродстерс?

Она пожала плечами.

– Просто захотелось на денек сбежать из Лондона.

Мужчина снова расплылся в улыбке и переложил банку сидра из одной руки в другую.

– Что ж, весьма подходящий денек! – Казалось, будто он вознамерился присоединиться к ее прогулке, а потому Мелоди немного отодвинулась от мужичка подальше. Все так же улыбаясь, Мэттью искоса посмотрел на нее. – Ну, тогда идите себе.

Мелоди ответила ему беспокойной улыбкой и двинулась прочь.

– Приятно было пообщаться! – бросил он ей вслед.

– Мне тоже, – ответила Мелоди, еще раз улыбнувшись, и мужчина отвернулся, чтобы уйти.

И вот тут-то ее вновь настигло прошлое.

Грязный теннисный мячик, выкрашенная белой краской кирпичная стена, рисунок с летающим мальчиком, и звук… может, крикета?

Нет, это не крикет, но какой-то скребущий звук, как будто что-то строгают из дерева.

И мальчишеский голос, увещевающий: «Увози от него свою маму, пока она не начала тоже мыть его в ванне и рожать ему детей».

Мелоди оцепенела, задержав дыхание.

Когда она наконец пришла в себя, мужичок по имени Мэттью уже пропал, словно проглоченный воскресной нарядной толпой, и вместе с ним – Мелоди даже в том не сомневалась – исчез некий жизненно важный ключ к ее детству.

– 11 –

1977 год

Из прежней жизни Мелоди все куда-то исчезло – только случилось это не разом, в одночасье, а происходило постепенно и мучительно, словно сдирался слой за слоем. Сперва папа переехал жить в Брикстон, в комнату, где скреблась за плинтусом мышь. Потом мама уволилась с работы и стала получать пособие, а это означало, что теперь они не могли позволить себе такой роскоши, как сладкие хлопья или зоопарк. Потом Мелоди перестала ходить в садик, потому что матери нечем было за него платить, и в скором времени они с матерью собрали свои пожитки, покинули лондонскую квартиру и перебрались жить к тетушке Сьюзи, у которой не было своих детей и которая жила в небольшом бунгало на побережье в графстве Кент, недалеко от Бродстерса.

Сьюзи была старшей сестрой Джейн и среди родных слыла тихоней. Она никогда не была замужем и уже лет двадцать жила в одном и том же сыром бунгало. Развлекала она себя тем, что читала и перечитывала Библию и постоянно экспериментировала на кухне. Еще она была очень, очень толстой и передвигалась так медленно, что вообще редко когда выходила из дома. Она была всего на четыре года старше Джейн, но по своей внешности вполне сошла бы ей за мать.

Мелоди совсем не понравилось жить в домике у тети Сьюзи. Делать там было нечего, играть – тоже нечем, посмотреть из окна – тоже не на что, за исключением других таких же бунгало да облезлых изгородей. К тому же больше у Мелоди не было нормальной еды, поскольку Джейн не могла позволить себе ходить в магазин, и они ели только то, что готовила тетя Сьюзи: блюда со странными названиями типа «риссоле», или «суфле», или «конфи», или «тажин» – с соусами и травами, с плюхнутыми туда сливками, а один раз даже с целым лимоном. В их жизни там, на взморье, не было никакого определенного смысла и никакой зримой перспективы. В их вращающемся по заведенному кругу существовании была лишь тетушка Сьюзи, хождение с ней в церковь да просмотр телевизора. Дни ускользали один за другим, и в этом склизком однообразии не было ничего более-менее прочного, за что бы можно было зацепиться.

Так продолжалось до тех пор, пока в один из дней, в начале сентября, Мелоди с мамой не отправились пройтись по Бродстерсу, чтобы купить новую школьную форму, имея при себе целый конверт денег, что утром пришли по почте от папы. На улице их остановил какой-то мужчина с серыми глазами и с букетом чайных роз. Он спросил Джейн, как у нее дела, и та, зардевшись, ответила:

– Благодарю, все отлично. – Сказала она это очень строгим тоном, явно желая поскорее отделаться от незнакомца.

– Нет, на самом деле? – продолжал тот, коснувшись рукою манжеты на ее кремовом свитере. – Как на самом деле вы поживаете?

Джейн взглянула на него прищурясь. Мелоди затаила дыхание. Ей очень хотелось, чтобы мама поскорее куда-нибудь пошла, потому что ситуация была определенно очень странной. И в то же время она желала остаться – чтобы посмотреть, чем все обернется.

– Я же вам сказала, – ответила Джейн. – У меня все хорошо.

– Вид у вас такой, будто кто-то проник к вам в самое нутро, – незнакомец отнял руку от рукава Джейн и, протянув к ее животу, крепко сжал в кулак, – и вырвал вашу душу! – Он провернул кулак на девяносто градусов по часовой стрелке и резко опустил руку.

Мелоди ахнула.

Джейн тяжело задышала, громко выпуская воздух через нос и слегка откинув назад голову, словно ее больно ударили.

– Я… – начала было она, но мужчина приложил ей палец к губам, давая знак умолкнуть.

– Я уже вас тут видел, – сказал он. – Я наблюдал за вами.

Джейн оттолкнула его руку от своего лица и схватила ладошку Мелоди.

– Знаете, я бы предпочла, чтобы вы этого не делали.

– Я могу вам помочь, – не отступал незнакомец. – В чем бы ни была причина вашей боли, я могу ее облегчить.

Джейн пошла дальше, чересчур крепко сжимая в кулаке руку Мелоди.

– Погодите! – он снова возник рядом с ней. – Погодите, возьмите у меня цветок. Это розы из моего сада. Возьмите одну. Они прелестные. Шипы я удалил. Довольно уже в вашей жизни боли.

Джейн не глядя взяла цветок и торопливо, решительно повела Мелоди прочь. Когда они дошли до конца улицы, девочка обернулась посмотреть, не ушел ли тот мужчина. Тот стоял на прежнем месте, и, уже поворачивая за угол, она ему улыбнулась.

Все дни после случившегося Мелоди непрестанно думала о том человеке с розой. Она наблюдала, как цветок, поставленный в вазу в доме у тети Сьюзи, постепенно скукожился, обретя коричневый цвет, и наконец полностью увял. А потом, когда на пластиковую столешницу тумбы упал последний лепесток, Джейн объявила, что им снова надо наведаться в Бродстерс – купить для Мелоди новые туфли.

Мелоди ничего не сказала матери насчет того мужчины с розой, боясь, что та передумает идти в обувной магазин. И вообще, с тех пор как они встретили того человека, девочка о нем ни разу не упоминала.

Она увидела его, как только они вылезли из машины тети Сьюзи на приморской набережной. Мужчина сидел на скамье, читая книжку, весь в лучах солнца. Когда он поднял голову на звук захлопнувшейся дверцы, то на какой-то миг в точности напомнил Иисуса с картинки, что висела у тети Сьюзи в кухне на стене.

Тетушка укатила, и они с матерью собрались перейти через дорогу, направляясь к магазинам. Тогда мужчина поднялся со скамьи и подошел к ним. На нем была голубая хлопковая рубашка и потертые армейские штаны. Длинные волосы были убраны и завязаны сзади. Мелоди вдруг поймала себя на том, что смотрит на него, не в силах оторвать взгляд.

– Ну, здравствуйте еще раз, – обратился к ним незнакомец.

Услышав его голос, Джейн аж подскочила:

– О господи!..

– Выслушайте меня! Только выслушайте! – принялся взывать он. – Прежде всего мои извинения! – прижал он руку к сердцу. – На прошлой неделе я вел себя… непозволительно. И я правда очень сожалею. Нельзя так обращаться к совершенно незнакомому человеку. Но дело в том, что у меня… как бы это сказать… случаются озарения. Мгновенное сущностное восприятие. Бамс! – и готово. Увижу кого-то – и уже его знаю. И, увлекшись, не могу остановиться. Вы готовы меня простить?

Он улыбнулся Джейн, и в уголках его глаз появились морщинки.

– Да все нормально, – пробормотала она. – Правда. Не беспокойтесь.

– Я бы хотел загладить свою вину. Позвольте, я угощу вас кофе?

– Да нет, правда, это…

– Вы куда-то спешите?

– Да.

– И куда вы направляетесь?

– Надо купить дочери новые туфли.

– А-а, наверное, для школы? – улыбнулся он, посмотрев на Мелоди.

Засмущавшись, девочка кивнула.

– Снова в школу! Как я помню это чувство! И сколько лет ты уже отучилась? Один? Или два?

– Нет, – ответила Мелоди. – Меня только приняли.

– Только приняли? – с улыбкой переспросил он. – Но выглядишь ты уже слишком большой для первоклассницы. Я решил, тебе уже как минимум шесть[5 - В Великобритании обязательное начальное образование начинается для детей в возрасте 5 лет.].

Мелоди улыбнулась и прижалась к матери.

– Ну, ладно, не буду вам мешать. А если вы все-таки передумаете насчет кофе, то я буду здесь, – указал он на скамейку, где осталась лежать его книжка в мягкой обложке. – И еще раз – тысяча извинений за случившееся. Я не хотел вгонять вас в такой шок.

– Все нормально, – повторила Джейн. Уголки ее губ тронула легкая улыбка. – Честное слово. Забудьте об этом.

– Значит, я прощен?

– Да, – ответила Джейн. – Вы прощены.

Мужчина улыбнулся, утер со лба воображаемый пот и направился обратно к своей скамье.

– Кстати, – крикнул он, когда Мелоди с матерью уже сворачивали за угол, – меня зовут Кен!

Когда они со своими скудными пожитками в потрепанных чемоданах и распухших сумках через плечо добрались наконец до дома по тому адресу, что на минувшей неделе написал им на листочке Кен, вовсю поливал дождь. Никто из них не подумал взять с собой зонтик, и в своих летних одежках они обе промокли насквозь.

На мгновение мать и дочь остановились на тротуаре и оценивающе оглядели указанное здание. Это была старая, обшарпанная вилла в «регентском» стиле, стоявшая на площади сразу позади приморской набережной.

Мелоди посмотрела на кружащихся над ними чаек и вовремя успела шагнуть в сторону, когда одна из них произвела большущий черно-белый «плюх» всего в нескольких дюймах от ее ног.

В дверях дома появился Кен. Он босиком торопливо сбежал по лестнице и подхватил их вещи.

– Привет, Джейн, – сказал он ее матери, – и тебе привет, Мелоди. Заходите. Добро пожаловать в ваш новый дом.

Он провел их в большую комнату на самом верху дома со скошенным в обе стороны потолком и маленькими окнами. Обставлена она была предельно просто: односпальная кровать, заправленная лоскутным одеялом, белая

металлическая двухъярусная кровать и шкаф из струганой сосны.

– Комнатка под самыми свесами, – сказал он, пригибая голову, чтобы открыть окно. – Для нас, высоких взрослых, не лучший вариант, но для вас, маленьких – просто идеально.

Обернувшись, он подмигнул Мелоди. Девочка улыбнулась ему в ответ, гадая, что это за «свесы» такие.

Когда Кен ушел, Мелоди с матерью сели рядом на односпальную кровать и стали смотреть в окно. Джейн выглядела очень устало. За прошедший год цвет глаз у нее сильно изменился – от пронзительного цвета морской волны до какого-то выцветшего лиловато-голубого. Когда Мелоди разглядывала мамины фотографии, сделанные до того, как умерло дитя, ей казалось, будто это совершенно другой человек. Волосы у нее потускнели, глаза потухли, на лбу пролегли две длинные, словно проделанные тупым ножом, морщинки, глубокие и полные печали.

– Я хочу кушать, – сказала Мелоди, которая за все время после ланча съела лишь три жевательные мармеладки, потому что мама сильно торопилась покинуть наконец дом тетушки Сьюзи.

Мать вздохнула.

– Ну, пошли тогда, – ответила она. – Посмотрим, что тут можно найти из еды.

Кухня в доме у Кена оказалась в самом низу дома. Это была теплая подвальная комната с большой зеленой печью, со старым столом из сосновой древесины и примерно с десятком разномастных стульев. Под окошком, что укромно поджалось ниже уровня улицы, стоял старый диван, на котором лежала большая белая собака с брылами. Восседавшая посреди кухни женщина в тюрбане нарезала кружочками морковь. Рядом с ней, на соседнем стуле, громко мурлыкал черный кот. На полу у ее ног сидел крохотный щекастый малыш, азартно жуя пластиковую ложечку.

Мелоди и Джейн робко ступили в кухню, и женщина подняла голову.

– О, привет! – сказала она. – Джейн? И Мелоди? Я Грейс, жена Кена. Очень рада познакомиться.

Она протянула им унизанную кольцами руку и каждой крепко пожала ладонь.

– А это Сет, – указала женщина на малыша на полу. – Поздоровайся, Сет.

Мальчик с любопытством поглядел на них, и изо рта на грудь опустилась длинная ниточка слюны.

– Давайте-ка я вам сделаю по чашке чая. Садитесь-садитесь!

Мелоди молча наблюдала, как Грейс заваривает чай. Ее очень удивило присутствие здесь этой Грейс, и вообще существование в мире Кена какой-то жены. Грейс была высокой и стройной, в серых штанах из тонкого жатого хлопка, в облегающей черной футболке и с брякающими на запястьях браслетами. Волосы у нее были гладко убраны назад, под ярко-красный хлопковый тюрбан. Она была и впрямь очень красивой, с сияющими на свету скулами и подведенными глазами. Единственное, что портило ее прекрасный облик, – это большая черная родинка у самого уха, из которой росли крохотные волоски, отчего Мелоди заключила, что эта женщина не слишком заботится о том, чтобы ее считали красивой.

Когда Грейс стояла у раковины, наливая в чайник воду, дверь распахнулась, и в кухню вбежал еще один ребенок: мальчик в камуфляжных брюках и коричневой футболке с длинными рукавами. Увидев Мелоди и ее мать, он остановился и уставился на них во все глаза.

– Здрасьте, – через мгновение обронил он.

– А, вот и ты! – обернувшись от раковины, сказала Грейс. – Мелоди, Джейн, это еще один мой сын – Мэтти.

У Мэтти были каштановые волосы, ярко-карие глаза, и выглядел он лет на десять. Он скупо улыбнулся и вздохнул.

– Вы приехали сюда жить?

Джейн кивнула.

– Ну, отлично, – буркнул мальчик. – Просто здорово.

Грейс виновато улыбнулась.

– Не обращайте внимания, – сказала она. – Он просто пытается следить за своей территорией. Мэтти, может, ты покажешь Мелоди наш сад?

Тот недовольно замычал и зашаркал носком ботинка по коврику.

– Пожалуйста, – попросила Грейс.

– Ну, ла-адно.

Мелоди вышла за ним через заднюю дверь на маленький мощеный внутренний дворик. Высокая кирпичная ограда была выкрашена белой краской и разрисована странными картинками с диковинными существами и летающими детьми. Были там деревянная скамейка и старая лошадка-качалка, и коробка с мячиками и скакалками. А еще большой куст пышных чайных роз.

– Вот он, наш сад, – произнес Мэтти. – Он не такой уж большой. Но нам он очень нравится.

Мелоди остановилась взглядом на ярком пятне пурпурной краски на белой стене, от которого тянулся вниз один потек, отчего эта красная блямба напоминала шарик на короткой ниточке. Девочка совершенно не знала, что сказать.

– Можешь взять что-нибудь поиграть из этой коробки, – предложил Мэтти. – Тут все как раз для малышей. Только мой байк не трогай. – Он стукнул пяткой в стену и засунул руки в карманы. – Тебе сколько лет?

– Четыре, – ответила Мелоди. – Хотя в ноябре будет пять.

Мэтти покивал.

– А где твой отец? Он что, умер?

– Нет. Он в Лондоне, – сказала Мелоди.

– А-а. Мой тоже.

Мелоди так и подмывало задать ему один вопрос, но тут она слишком застеснялась и промолчала.

– Значит, твоя мама и Кен… – продолжил расспрашивать Мэтти. – Они… Ну, ты знаешь, о чем я?

Мелоди ничего такого не знала. Не знала вообще ничего. Вопрос Мэтти для нее совершенно ничего не значил, и потому она в ответ кивнула.

– Ну да, именно так я и думал. Блин, этот дом чем дальше, тем ненормальнее… – Мэтти с досадой фыркнул и помотал головой. – И все же… – Он задумчиво смерил Мелоди взглядом. – Ты вроде бы хорошая девчонка. Будь ты немного постарше, мы могли бы даже стать друзьями. В общем, я буду, пожалуй, за тобой приглядывать. И сделаю все, чтобы с тобой ничего не случилось. Потому что, если я за тобой не присмотрю, то, можешь мне поверить, никому и на фиг это будет не надо.

На этом Мэтти развернулся, вынул руки из карманов и отправился обратно в кухню.

Мелоди осталась стоять в саду, глядя на овальную, как шарик, блямбу на стене и думая о том, станет ли вообще когда-либо ее жизнь, как прежде, нормальной.

– 12 –

2006 год

В тот вечер, когда Мелоди возвратилась из Бродстерса в Лондон, вместо ужина с Беном она решила отправиться с сыном в паб. Они завернули в «Кросс Кийз» – ближайшее к их дому, тесное и достаточно аляповатое заведение, где интерьер едва не ломился от суровых украшений эпохи королевы Виктории и где повсюду свисали корзинки с петуньями. Эд заказал себе пинту «Стеллы», а Мелоди взяла пинту шенди[6 - Шенди – смесь простого светлого пива с имбирным или с лимонадом, с лимонной содовой, взятых в равных частях.]. Вдвоем они устроились снаружи, присев на небольшую лавочку, что низким козырьком огибала дерево на мощеной площадке возле паба. Вокруг едва не пять десятков «белых воротничков» шумно расслаблялись после рабочего дня.

– Так что же с тобой все-таки происходит? – поинтересовался Эд, поставив кружку рядом с собой.

– Ты о чем?

– О тебе. Что с тобой такое?

– Да ничего.

– Да брось, мам, я же не дурачок. С тех пор как ты познакомилась с тем мужиком, тебя как подменили. С тобою все в порядке?

– Ну, да, разумеется.

– Значит, проблема в нем? Он хорошо с тобой обходится?

– Бен? – даже рассмеялась Мелоди, попытавшись нарисовать в воображении, как этот большой, вежливый и слащавый Бен делает нечто более дерзкое и оскорбительное, нежели придержать перед ней дверь. – Господи, Эд, ты бы его только видел! Он же просто… Он такой душка, ну, прямо истинный джентльмен!

– Почему тогда ты ведешь себя так странно?

– В каком смысле странно?

– Не знаю… Стала какой-то скрытной, вся в себе. И с чего ты вдруг бросила курить?

Мелоди пожала плечами:

– Ну, наверное, просто пришло время.

Эд нахмурился, глядя на нее, и Мелоди едва удержалась, чтобы не обхватить его руками за шею и не прижать к себе покрепче – своего мальчика, свое единственное дитя, настолько встревоженного и настолько не представляющего, что же сейчас происходит в ее жизни.

– Не стоит обо мне так волноваться, – сказала она. – Может, я в чем-то и меняюсь. Может, дело в том, что ты становишься взрослым и от этого я чувствую себя как-то не так… не в своей колее, что ли. Знаешь, мы с тобой так долго жили своим тесным мирком – только ты да я, – и я даже не думала ни о чем другом. А теперь я начинаю представлять более широкую картину жизни, начинаю думать о том, что будет дальше…

– Ну, я пока что никуда не собираюсь, – улыбнулся Эд, взяв в руку кружку.

– Нет, я знаю, что не собираешься. Не в физическом смысле. Но, видишь ли, эмоционально ты с каждым днем нуждаешься во мне все меньше. И ведь даже взять мою работу! Я устроилась туда, только чтобы быть поближе к тебе, и чтобы проводить с тобой все выходные и каникулы. А теперь мне больше нет нужды работать школьной буфетчицей. Я могу пойти куда угодно. Теперь я свободна, понимаешь? И меня это на самом деле очень пугает.

– Бог ты мой, мама, не надо ничего бояться! Что тебя так пугает-то? Я все так же буду с тобой рядом. И ты вообще такая замечательная, ты столько всего умеешь делать.

– Да ну! Что, например?

– Не знаю… Учить детей, к примеру. Из тебя вышел бы классный учитель. Без тебя я бы ни в жизнь не сдал экзамены на аттестат, и отличные отметки мне бы даже не светили… Или ты могла бы выйти замуж, родить еще детей…

– Что-что?!

– А что, я серьезно. Почему нет? Ты же такая молодая. Тебе обязательно надо завести еще детей. Ты же лучшая мама на свете! Почему ты не хочешь? Ну, как Стейси?

Мелоди криво усмехнулась.

– Нет, – положила она ладонь на колено сына. – Нет, одного мне вполне достаточно.

– А что этот твой Бен? У него же еще нет детей? Неужели он не хочет?

– Вот уж не знаю, – снова усмехнулась Мелоди. – Может, и хочет.

– Так, может… это… вы с ним…

Она медленно покачала головой:

– Нет, никаких «мы с ним».

– Что, уже все кончено?

– Нет, не кончено, но, по сути, еще даже не начиналось.

– Тогда почему нет?

– Не знаю. Я просто сейчас не могу о нем думать.

– Именно о нем – или вообще о том, чтобы в твоей жизни появился мужчина?

Мелоди помолчала, с удивлением глядя на своего сына. Какой проницательный вопрос! На мгновение она даже изумилась: неужто ей и впрямь удалось вырастить достойного парня?

– Видишь ли, Эд, – неуверенно заговорила она, – сейчас в моей жизни кое-что происходит, и Бен тут совсем ни при чем. Это связано с тем… – Она запнулась, поняв, что сама еще не знает достаточно, чтобы поделиться этим с Эдом, что ей хотелось бы выдать ему намного больше: больше каких-то абсолютных понятий, больше конкретных фактов, больше категорических оценок. Что это ее материнская обязанность – представлять ему мир в наиболее четком изображении и в самых ярких красках, защищая его от непредсказуемости и неопределенности бытия. Она вдохнула поглубже, пытаясь подобрать верные слова. – Это связано с моим детством и с тем, что произошло на шоу Джулиуса Сардо.

Эд с сомнением поморщился.

– С того момента, как я в тот вечер отключилась, – вздохнув, стала объяснять она, – я стала припоминать разные вещи.

– Какие, например?

– Ну, даже не знаю, как объяснить… Это скорее даже какие-то разрозненные обрывки прошлого, нежели обычные воспоминания. Но все они, знаешь, связаны с той моей жизнью, которой я не помню, – с тем, что было до пожара. Я пока что не смогла в них толком вникнуть, но точно знаю теперь одно: когда-то я жила в Бродстерсе. И сегодня я туда поехала. И нашла тот дом, и узнала кое-что еще.

– Да ну? Ты имеешь в виду тот дом, где ты жила со своими мамой и папой?

– Да. То есть нет… Я не знаю. Я только знаю, что когда-то там был сквот, и я вспомнила человека по имени Кен. И у него был мотоцикл. А еще там была женщина по имени Джейн, и, как мне кажется…

Мелоди хотела было сказать: «…кажется, я называла ее мамой», но умолкла, не в силах пока что принять для себя полный смысл этой всплывшей в памяти детали.

– То есть я даже узнала в том доме такие мелкие детали, как сучок на половице. Это вовсе не игра воображения. Это, скорее, как… как будто я жила другой жизнью.

– В смысле, что тебя усыновили или что-то типа того?

У Мелоди перехватило дыхание. Подобная возможность уже возникала в самых темных, непроглядных глубинах ее долгих ночных размышлений, однако она сочла, что это слишком уж надуманно и притянуто за уши – даже притом что это и могло придать какой-то бледный контур ее детским воспоминаниям.

– Нет, – тихо ответила она, – это вряд ли. Но, возможно, меня по каким-то причинам отправляли на некоторое время пожить туда, на побережье...

– Вот черт… – Эд поставил кружку и беспокойно глянул на мать. – А ты не думаешь, что… ну, знаешь, как бывает в разных книжках, что тот дядька… ну, знаешь… всякая мерзость, что может случиться с маленькими детьми…

– Ты хочешь сказать, надругался?

– Ну, в общем, да… – Он зябко повел плечами. – Как это называется, когда дети забывают то скверное, что с ними случилось, а впоследствии оказываются у психолога или психиатра, и все вдруг выплывает наружу, и их папочки попадают за решетку, будучи уже седыми стариками?

– Регрессия?

– Ну да. Потому что получается, что этот Сардо типа запустил тебе память. Он заставил тебя считать, что тебе пять лет. И может быть, именно в пятилетнем возрасте с тобой и случилось нечто ужасно скверное, и ты подсознательно заперла в себе воспоминания о тех годах, а теперь все это возвращается. В смысле, серьезно… Я понимаю, что это очень неприятно, но, может быть, твой отец…

– Нет! – воскликнула Мелоди едва ли не со смехом. – Этого никак не может быть!

– Ну, это ты так считаешь. Но эти любители поиметь детишек всегда выглядят добрыми милыми дяденьками. Откуда тебе знать? Если твоя память была нарушена – как ты можешь это знать?

– Просто знаю, – ответила Мелоди.

– К тому же, если это было так, – продолжал Эд, – это могло бы многое объяснить.

– Что «многое»?

– Ну то, что тебя не тянет к мужчинам…

– Нет, это не так…

– Так – именно не тянет. А еще это могло бы объяснить, откуда у тебя такая враждебность к своим старикам.

– Ты сам знаешь, почему я не в ладах с родителями.

– Ну да, теперь я понимаю, почему ты говоришь, будто не в ладах с родителями!

– Господи, Эд, прекрати сейчас же, хватит! Мой отец никогда не обращался со мной плохо. Ясно?

– Тогда как получилось, что ты жила в том сквоте в Бродстерсе с каким-то мужиком по имени Кен?

Мелоди вздохнула и опустила голову на грудь.

– Я не знаю, – произнесла она и подняла взгляд на сына. – Правда, не знаю.

– А что там было? Типа коммуны какой-то, что ли?

Она неопределенно пожала плечами.

– Мне действительно этого не припомнить. Я лишь помню человека, которого звали Кен. И у него была, – Мелоди зажмурила веки, – татуировка на руке. С каким-то символом. И от него пахло… – Она понюхала воздух. – Табаком из самокрутки. И помню его волосы. Они у него были длинные, но выбритые с обеих сторон, над ушами. Точно могиканин-переросток.

– Хм-м, звучит точно интригующе, – молвил Эд. – А может, тебе тогда стоит им позвонить?

– Кому? Маме с папой?

– Ну да. Позвонить им и сказать: «Мамочка и папочка, а как вообще меня занесло в Бродстерс?» – произнес он это с той жеманной интонацией, какую всегда употреблял, говоря о своих бабушке с дедушкой, которых никогда не видел, воображая их гораздо более светскими и высокородными, нежели те были на самом деле.

– Я не могу им позвонить, – вздохнула Мелоди.

– Почему?

– Потому что, – снова вздохнула она, – если они лгали мне тогда, то, значит, солгут и снова. А мне необходимо узнать правду. И думаю, мне надо… – Она помолчала, подбирая нужные слова, – просто пустить все на самотек, чтобы прошлая жизнь вспоминалась кусочек за кусочком, складываясь потихоньку, точно пазл. Мне кажется, если бы я вдруг узнала все разом, в одно мгновение, меня бы…

– Взорвало?

– Да, или прорвало наружу, или уничтожило внутри. Или и то и другое сразу… Так что, по-твоему, мне следует предпринять дальше? – тихо спросила она.

– Опять поехать в Бродстерс, – уверенно ответил Эд. – Отправиться туда и посмотреть, что еще ты сможешь вспомнить.

– 13 –

1989 год

– Беременна? – Это слово перекатывалось у матери на языке, точно внезапно обнаружившийся во рту хрящик.

– Да, – отозвалась Мелоди, срывая заусенцы.

– Беременна?! – повторила мать. – Но я…

– Ничего страшного, это мое дело, – сказала Мелоди.

– Это твое дело?

Отец поднялся с кресла, точно богомол, собравшийся перелететь на дальнюю ветку. Складки на его шее тряслись, открытый лоб блестел в лучах уходящего солнца.

– Сядь, Клайв, – пугливо взглянула на него мать.

Он тяжело опустился обратно на дралоновую обивку и медленно покачал головой:

– И от кого? От того парня, да? Что гоняет на скутере?

– Да, – ответила Мелоди, – от кого же еще?

Ей неприятно было думать, что кто-то мог предположить, будто она переспала с кем-то еще, кроме своего бойфренда, хотя так оно и было на самом деле.

Мать повернулась выглянуть в окно. В лучах садящегося солнца ее светлые волосы казались тонкими и безжизненными, просвечивающими, точно клочки конского волоса и ваты внутри старого дивана. Красивое некогда лицо казалось уже старым – как будто ей отстегнули кожу от костей и отпустили болтаться. А глаза у нее, как с болью заметила Мелоди, блестели от слез.

– И сколько у тебя уже? – спросила она, резко повернувшись. Слезы высохли как не бывало.

– Не знаю точно, – пожала плечами Мелоди. – Задержка уже пять недель.

– Пять недель?!

– Ну, почти шесть.

– О, бог ты мой…

– Да что? Все нормально.

– Нормально?! Как ты можешь называть это нормальным? Надо как можно скорее вести тебя к врачу, чтобы точно в этом разобраться. В смысле, это может быть просто задержка.

– Меня на этой неделе каждый день тошнит.

– Ну, тогда… – Мать на мгновение задумалась и поджала губы. – Тогда, значит, попросим его… решить этот вопрос.

– Ты имеешь в виду аборт?

– Да, именно аборт. О чем ты думала, Мелоди? О чем ты только думала?!

Мелоди снова пожала плечами.

– Ни о чем она не думала, Глория, это ж совершенно очевидно, иначе она не оказалась бы в такой паршивой ситуации.

Отец медленно, с заметной болью переложил поудобнее ноги под покрывалом.

– Как ты могла так поступить с нами, Мелоди? Как ты могла так поступить с отцом, который столько перенес за последние месяцы? После всего, что мы для тебя сделали!

– Но вы-то тут совсем ни при чем! Это касается только меня.

– Нет! Не только тебя! Неужто ты не понимаешь? Это касается всех нас! Этот позор падает на всю семью!

– Но это никакая не семья! – не выдержав, заорала Мелоди. – Это какой-то дом престарелых, в котором почему-то живет юная девочка!

Эти слова, жестокие и невозвратимые, на миг повисли в неподвижном молчании комнаты. Мелоди посмотрела на отца, на его разбитое тело, на безволосую макушку, и тут же вспомнила те могучие руки, что несколько лет назад вытащили ее из постели и бережно вынесли наружу, спасая ей жизнь. Он не заслужил таких резких, грубых слов. Но тогда и она, выходит, не заслуживает этих людей и этой жизни.

– Что ж, отлично, – сурово произнесла мать, что никак не вязалось с ее натянутым, полудетским голоском. – Если ты действительно так относишься к нам и к нашему дому, то уходи.

Мелоди с полуулыбкой уставилась на нее. Ну да, конечно!

– Куда, интересно? – хрипло спросила она.

– Ну, не знаю. Куда-нибудь, где тебе будет лучше. К Тиффу в его табор или на улицу. Тебе видней.

Мелоди во все глаза смотрела на мать, ожидая, что та, как обычно, смягчится, однако Глория стояла, сурово стиснув зубы и крепко обхватив себя руками.

– Я не шучу, Мелоди. Я вполне серьезно. Это уже предел. Дальше просто ехать некуда. Мы оба уже сыты всем по горло.

Девушка повернулась к отцу. Тот с решимостью на лице уставился в окно, глядя на их глухой переулок. Мелоди глубоко вздохнула. Собственно, этот момент назревал уже месяцами, если не годами. С четырнадцати лет она все больше отталкивала их от себя, и они никак не пытались ее удержать. Порой казалось, будто они вообще перестали признавать друг друга, сделавшись, точно охладевшие любовники, совершенно чужими людьми.

Той ночью она собрала сумку, положив с собой кое-какую одежку, лучшее, на ее взгляд, ювелирное украшение своей матери, пятьдесят фунтов купюрами и монетами, заначенных в тайничке внизу стенного шкафа, старого мохнатого мишку, портрет юной испанки и вышла на тротуар перед домом, нетерпеливо ожидая, когда подъедет Тифф. В полуночном воздухе от ее дыхания поднимались густые облачка, ноги зябли в дешевых легких туфельках. Наконец тягостную тишину улицы разорвал рокот мотора приближающегося к их тупику скутера. Даже не глянув на Тиффа, Мелоди быстро вскочила на мопед, обхватила юношу за талию и шепнула ему в ухо:

– Погнали отсюда!

Больше она своих родителей не видела.

– 14 –

2006 год

На следующий день Мелоди и Стейси отправились по магазинам. В среду старшей дочери Стейси, Клео, исполнялось восемнадцать, а Эда это событие ожидало через неделю, и подруги решили встретиться, чтобы помочь друг другу выбрать своим первенцам подарки. Поход за покупками для них всегда был отличным поводом повидаться и провести вместе время. В первые годы своей дружбы они встречались в торговом центре «Оксфорд-Серкус» с колясками и запасными подгузниками, с дремавшими в пухлых комбинезонах малышами и вместе объезжали магазин «Mothercare» и секцию детских игрушек «John Lewis». Когда детки стали старше, подруги встречались, пока те были в садике или в школе. А теперь, когда их дети выросли, они могли повидаться вообще в любое время.

В тот день было довольно прохладно – солнечно, но свежо, как бывает скорее в апреле, а не в июле. Мелоди проделала полмили по городу пешком, радуясь тому, что после вчерашней странной поездки в Бродстерс сегодня ее ждет столь знакомое и приземленное занятие.

Увидев спешащую к ней по Оксфорд-стрит худенькую птичью фигурку Стейси, Мелоди улыбнулась. Стейси была тоненькой и хрупкой, причем во время каждой беременности ее раздувало до размеров дома, после чего она в течение двух месяцев благополучно возвращалась к своему родному шестому размеру[7 - 6-й английский размер соответствует 40-му российскому.]. Одета она была в свою обычную «униформу»: камуфляжные шорты с разлохмаченными краями и толстовку с капюшоном. Медного оттенка волосы были увязаны в длинный хвост, солнцезащитные очки вскинуты надо лбом, в руках дымилась неизменная сигарета. Со спины ей можно было дать всего четырнадцать, спереди же становилось видно, что лицо ее преждевременно состарилось от стрессов, курения и слишком частого отдыха в солнечной Испании.

Случись Мелоди тогда, в далеком октябре 1987 года, в те оба раза, когда она занималась сексом, все же воспользоваться презервативом, она никогда бы не повстречала Стейси, и вполне возможно, что лучшую подругу она нашла бы для себя в каком-нибудь университете, и та жила бы в особнячке с тремя спальнями и выкрашенными в цвет шампиньонов стенами где-нибудь в Клэпхеме, с собственным «Ауди» на парковке возле дома. Однако судьба занесла ее именно сюда, и Стейси являлась для нее не просто элементом прошлой жизни, но одним из немногих факторов, которые последние восемнадцать лет помогали Мелоди сохранять крепость духа.

– Привет-привет! Прости, что опоздала. – Стейси подалась вперед обнять подругу, обдав ее дымом от последней затяжки, и крепко ухватила тонкими пальцами ее руку. – Поезд в целых восемь минут стоял в тоннеле у Бетнал-Грин. Я чуть не вырубилась, так там было душно.

Вдвоем они направились в «Selfridges», прямиком в отдел товаров класса «люкс» на цокольном этаже.

– И что ты хочешь купить для Клео? – поинтересовалась Мелоди.

– Она хочет что-то этакое от «Mulberry». – Стейси порылась в сумочке и вытащила бумажку с записью. – Вот: «Mulberry Bayswater». Нам туда. – Они прошли к стойке с продукцией фирмы «Mulberry» и спросили нужное у продавщицы, которая, к ее чести, и бровью не повела при виде двух дамочек в дешевых тряпках из «Primark» или «New Look», или «Nice’n Easy» и с явно крашенными дома волосами.

– Бог ты мой! Вот это, что ли? – недоуменно посмотрела Стейси на поданную ей сумочку из орехового цвета кожи с двумя ручками и откидным клапаном.

Вещица была прелестной. Однако у Стейси имелся свой маленький пунктик: ей необходимо было, чтобы на вещи значился логотип. Она не видела смысла тратить сотни фунтов стерлингов на сумку, если на ней не было указано ничего такого, что сразу сообщило бы случайному взгляду, откуда эта вещь. Стейси крутила сумочку и так и этак, все ища что-нибудь, способное поправить положение, но тщетно. Наконец все же достала из своей сумки кошелек и принялась одну за другой отсчитывать пятидесятифунтовые купюры прямо в ладонь продавщицы.

– Вот же, бляха-муха… – пробормотала она.

Мелоди никогда не расспрашивала подругу, откуда у той берутся деньги. Создавалось впечатление, будто у Стейси всегда оказывалось именно столько денег, сколько было ей необходимо, и ни на пенни больше. И всегда они были новенькими шуршащими купюрами. То есть если ей требовались новые туфли, у нее при себе было пятьдесят фунтов. Если сигареты – то пятерка. Если ей хотелось провести две недели на курорте в Доминикане в отеле «всё включено» – у нее оказывалось две с половиной тысячи фунтов. Как будто у нее где-то был припрятан волшебный денежный горшочек.

– Ну что, я всё. А ты как? Что наметила для Эдди?

– Попробуй угадай.

– «iMac»?

– Да, «iMac», он самый.

– Надо было заказать по интернету, вышло бы дешевле.

– Да, знаю, но я как-то, знаешь ли, не пользуюсь интернетом. Так покупать, согласись, намного интересней. К тому же я хочу подобрать ему еще и что-нибудь особенное. Нечто такое, что он мог бы сохранить на память.

Стейси посмотрела на нее, выразительно вскинув брови. Она всегда поддразнивала Мелоди за ее сентиментальность, за эту потребность, чтобы всякий предмет у нее что-либо да значил.

– Ну купи ему часы.

Мелоди поморщилась.

– У него уже есть часы. Я хотела что-нибудь такое, более… Не знаю, может, что-то типа авторучки…

– Авторучку? На кой ему эта твоя ручка?

– Не знаю, просто, чтобы хранил на память. Просто, чтобы она у него была. Чтобы, понимаешь, он мог обо мне вспоминать.

– Почему б тогда не сделать вместо этого татуировку? «МАМ» – большими буквами и в сердечке. – Стейси изобразила ладонями сердечко, потом весело подтолкнула локтем Мелоди и рассмеялась. – Нынешним деткам ничего не надо на память, Мелоди. Им нужно то, чем можно пользоваться. Мгновенное удовлетворение. Купи ему флакон «Calvin Klein» да мешочек марихуаны. – Она еще разок смешливо пихнула подругу локтем, и они направились в отдел электроники.

Спустя полчаса, когда они вдвоем устроились в суши-баре на фудкорте в окружении желтых пакетов с покупками, Мелоди чувствовала себя порядком разбитой и опустошенной. У нее было такое чувство, будто у нее умыкнули что-то очень важное, хотя она и не могла толком понять, что именно это могло быть. Впереди было восемнадцатилетие ее единственного ребенка, и ей хотелось подарить ему нечто большее, нежели коробку разных гаджетов. Ей хотелось преподнести ему подарок со смыслом. У Стейси – иное дело. Клео – не единственный ее ребенок. У нее есть еще Чарли и Кловер – есть чем жить дальше. Стейси может подарить своей первенькой кожаную сумку, зная, что будут еще другие совершеннолетия, будет еще много этого «великого смысла» и много веховых камней. Однако для Мелоди это было все равно что конец пути.

– Так, и что? – заговорила Стейси, снимая с конвейера тарелку с лапшой и с треском разъединяя пару китайских палочек. – Кавалер-то твой выходил еще

на связь?

– Да, – отозвалась Мелоди, без интереса разглядывая проезжающие мимо нее туда-сюда тарелки с едой, – писал мне несколько раз эсэмэски.

– И? Ты хочешь с ним еще раз встретиться? Он тебе нравится?

– Знаешь, всё вроде бы при нем, – сказала Мелоди, рассеянно беря с конвейерной ленты миску с курицей терияки и снимая с нее пластиковый колпак. – Но он какой-то слишком…

– Что? Слишком замечательный? Или слишком добрый? Хороший?

– Нет. То есть да. Все это есть. Но еще он какой-то… знаешь… из среднего класса.

– Ну, так ведь и ты оттуда! – смешливо фыркнула Стейси.

– Я – нет.

– Как же – нет? Взгляни на себя! Да и по-любому, принадлежность к среднему классу еще не достаточная причина, чтобы отказываться с кем-то встречаться.

– Он играет в сквош, Стейси. В сквош! Представляешь? Кто вообще сейчас играет в сквош?!

– Ну ладно, тут я с тобой согласна. Сквош – уже немного перебор. Но, с другой стороны, это означает, что он вполне достойный кандидат. И знаешь, – вздохнула Стейси, – ты сама себя накручиваешь, что якобы будет лучше для Мелоди Браун держаться от всех подальше, никого к себе не подпускать. Все обходить стороной… Но я, как твоя лучшая подруга, Мэл, все же тебе скажу: ты моложе не становишься. Совсем скоро твой мальчик вылетит из гнезда, и ты останешься совсем одна. И если ты считаешь, что тебе этого достаточно, чтобы существовать еще лет сорок, или сколько там получится, – то, значит, все отлично. А если тебе этого недостаточно, то… – Стейси на мгновение умолкла, – то тебе надо как-то расширить свои горизонты. И перестать сочинять себе разные отговорки. И советую я тебе это, – накрыла она своей ладошкой руку

Мелоди, – как твоя лучшая на свете подруга, потому что желаю для тебя только самого лучшего.

В тот же день, за кофе с панкейками, Стейси ненароком обронила:

– Опять чего-то припозднилось…

Взглянув на ее лицо, Мелоди сразу поняла, что та говорит вовсе не о времени.

– Ты хочешь сказать…

– Ну да, всего четыре дня. Но ты же знаешь, у меня всегда все четко, как часы. Задержки у меня случались лишь тогда, когда я оказывалась в залёте.

– Бог ты мой, Стейси! А ты это… планировала?

Подруга помотала головой и вытащила из сумочки пачку сигарет.

– Нет, но и неожиданным это не назвать.

– И ты собираешься…

– Сохранить? Ну да, я думаю об этом. Я еще точно не решила, но, согласись, для Клов это будет просто здорово – перестанет превращаться в капризное, балованное дитя. А на работе у меня по-любому контракт только до марта. В общем, пока не знаю. А ты что об этом думаешь?

Мелоди набрала полную грудь воздуха.

– Господи, да! Конечно же, да! Забавно, я всегда считала, что это Кловер для тебя нечаянный сюрприз, нежданный подарок – но, естественно, к нему определенно требовался еще один, такой же. И для Кловер это точно будет замечательно.

– Она даже не представляет, что ее ждет.

Стейси закурила сигарету, и Мелоди вопросительно взглянула на подругу.

– Брошу, когда сделаю тест, – сказала та, словно защищаясь. – Но, боже, мне так страшно при мысли, что я снова беременна! Я ведь уже немолода…

– Тебе всего-то тридцать четыре!

– Да, но все-таки… По сравнению со старшими, с Кловер я ощутила разницу. И я даже не представляю, куда еще одного ребенка положить…

– Положишь пока в ящик комода! – рассмеялась Мелоди. – А пока из ящика вырастет – глядишь, Клео уже куда-то и переедет.

– Ну да, пожалуй, ты права. Но все-таки еще один ребенок, Мэл… Еще один малыш!

Вечером Мелоди не торопясь возвращалась домой. Погода для прогулки была просто идеальной: солнечной, сухой и прохладной, – и на лондонских улицах, вдали от запруженных туристами тротуаров вокруг Оксфорд-Серкас, было тихо и покойно. С каждым ее шагом слова Стейси ритмично отдавались в мозгу: «Еще один малыш… еще один малыш». Эти слова напомнили ей одну песню, еще со времен юности, в которой через несколько строк снова и снова повторялось: «Все, что ей нужно – лишь еще один малыш»[8 - Имеется в виду популярнейшая песня шведской группы «Ace of Base»: «All that She Wants» (1993).].

Мелоди любила детей, особенно в их младенческую пору. Ей нравились эти еще не сформировавшиеся личики, эти пухленькие ляжки, крошечные головушки и резко вскидывающиеся ручонки. Но в то же время совсем маленькие дети вызывали в ней безотчетный страх. Они казались ей настолько нежными и эфемерными созданиями! Одна какая-то ошибка, или задержка дыхания, или удар головой – и все. Они исчезнут, и унесут с собою счастье и радость всей жизни. В этом Мелоди даже не сомневалась. Когда у нее родился Эд, она страдала тем, что теперь стали называть послеродовой депрессией. С самого того момента, как она осознала всю глубину своей любви к новорожденному сыну, как прочувствовала, с какой неодолимой властью он каждым своим трепетным вдохом вторгается в ее существование, Мелоди начал преследовать

страх перед всеми неисчислимыми опасностями, способными унести его жизнь. Она постоянно воображала, что с ним может что-то случиться: как он вдруг выскользнет у нее из рук в ванне и уйдет под воду, как она случайно отпустит коляску где-нибудь на верхушке холма, или споткнется с ним на руках на бетонных ступеньках своей квартиры. Но сильнее всего Мелоди пугала мысль, что кто-то решит отнять у нее сына. Всякий раз, как звонил телефон, ей казалось, будто это какой-то представитель социальных служб хочет ее предупредить, что за мальчиком сейчас приедут. Когда какая-нибудь добрая тетенька в супермаркете, умиляясь, тянулась взять Эда за ручку, Мелоди скорей укатывала коляску прочь, боясь, что та хочет похитить у нее ребенка. Она никому не рассказывала об этих своих переживаниях, даже Стейси, у которой с новорожденной Клео все как будто ощущалось совершенно иначе.

Когда Эду было десять месяцев, он однажды упал с дивана. С кухни, где Мелоди делала ему чай, она услышала звук удара. Бросившись в гостиную, она обнаружила Эда на полу. Тот лежал на спине и счастливо улыбался. Он сиял гордостью, что с ним случилось такое происшествие, испытывал восторг оттого, что вот он только что был на диване – и в следующий миг уже очутился на полу. Мелоди поначалу это возмутило – но через мгновение с нее словно скатилась тяжелая ноша. Оказывается, ее малыш способен падать! Падать – и продолжать жить дальше!

С этого момента депрессия стала ее потихоньку отпускать, однако забыть о прежних страхах Мелоди так и не смогла, а потому дала себе зарок никогда больше не являть в этот мир настолько хрупкое и слабое создание, как новорожденное дитя. Через год после рождения сына она поставила спираль и перенесла свою нерастраченную любовь к малюткам на малышей Стейси, на вторых или третьих, а то и на четвертых детей других мамочек из садика Эда, на крохотных отпрысков тех людей, что просто встречались ей на улице. С появлением в ее окружении очередного новорожденного Мелоди испытывала подъем духа и проникалась радостью за его счастливых родителей. Но для нее этот вопрос был уже закрыт. Сам факт того, что ее мальчик благополучно пережил свои первые восемнадцать лет, казался ей настоящим чудом, и ей не хотелось отпугивать удачу.

Так, бесцельно бродя по улицам и размышляя о «еще одном ребенке», что, вероятно, уже обретал некие смутные формы в утробе ее ближайшей подруги, о еще одном крошечном человечке в ее жизни, которому можно бесконечно удивляться и о котором можно неустанно говорить, – Мелоди оказалась вовсе не

в Сохо, куда, как ей представлялось, она должна была прийти, а немного севернее Гудж-стрит, у маленькой, мощенной булыжниками развилки под названием Гудж-Плейс. У самого разветвления дорог стояли два передвижных лотка, продававших CD- и DVD-диски в потрепанных футлярах, а за изгибом улицы виднелся ряд узких и высоких георгианских таунхаусов. Некоторые из них являли очевидные признаки временного жилья, другие, напротив, красовались дорогими плотными шторами и блестящими никелированными дверными ручками.

Мелоди двинулась вперед по изгибу дороги… и внезапно ощутила это вновь – некую пространственно-временную связь с этим местом, четкую уверенность, что когда-то она здесь уже бывала. Остановившись на полушаге, она закрыла глаза и дала проявиться нагрянувшим воспоминаниям.

Она увидела мотоцикл и мужчину на нем. Того самого, что ей уже вспоминался. Который сидел с ней в кафе со слоистым мороженым, прозванным «Полосатый чулок», и с мотоциклетным шлемом. У него были длинные волосы, собранные сзади хвостом, а на прощание он еще помахал ей рукой.

Открыв глаза, Мелоди посмотрела на небо, потом снова на стоявший перед ней дом посреди сплошной ленточной застройки. Тогда она вновь сомкнула веки и увидела следующее:

Красивая девочка в розовом пышном платьице на самом верху лестницы.

Сияющее в окно у нее за спиной солнце, превращающее ее фигурку в темный силуэт.

Мягкий дорогой ковер под босыми ногами.

Порыкивающая где-то в глубине дома собака.

– От Мелоди воняет какашками! От Мелоди воняет какашками! – Лицо девочки аж кривилось от удовольствия, ее худенькое тело извивалось так и этак в этой нелепой пляске отвращения. – Мелоди тупица и воняет какашками!

Тут ее тонкие ноги подогнулись, и девочка покатилась по лестнице, грохнувшись локтем об одну ступеньку, задом о другую, голова, стукнувшись, отскочила от перил, а розовое платье разодралось со звуком рвущейся газеты.

Внизу у лестницы мигом появилась женщина в домашнем платье с оборками и пышными рукавами и с густой коралловой помадой на губах.

– Господи, Шарлотта! Шарлотта! Что случилось?!

У Мелоди губы как будто склеились. В голове крутились слова, но наружу выбраться не могли.

– Она меня толкнула, мама! Это Мелоди меня толкнула!

Лицо у женщины сердито нахмурилось, она сделала пару шагов по лестнице и подхватила Шарлотту на руки. Коралловые губы ее как будто что-то злобно ворчали, голубые глаза яростно стреляли по сторонам.

Вопли Шарлотты, визгливые, звучавшие с театральной обиженностью, все удалялись по мере того, как Жаклин уносила ее в глубину дома.

На полу у самых ног Мелоди протянулась тоненькая струйка розовой слюны.

Наконец, спустя несколько секунд, слова вырвались у нее изо рта:

– Это не я. Она просто споткнулась!

– 15 –

1978 год

Жаклин Зоннинфельд жила в высоком и узком здании в тихом квартальчике сразу за поворотом Гудж-стрит. Внутреннее убранство ее дома было самым что

ни на есть роскошным: с прицепленными по стенам целыми шкурами зебр, с «леопардовыми» подушками, раскиданными по бархатным диванам, с витражными лампами Тиффани, напоминавшими стрекозиные крылышки, со стопками солидных увесистых книжек, сложенных пирамидками на низких кофейных столиках. На каждом этаже у нее лежали сливочного оттенка ковры – такие мягкие, упругие и густые, каких Мелоди нигде еще не доводилось видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ночь Гая Фокса (или Ночь фейерверков) – традиционное в Великобритании празднование годовщины провала Порохового заговора 1605 года, когда группа католиков-заговорщиков попыталась взорвать в Лондоне здание Парламента.

2

Женское имя Эмеральд происходит от английского названия изумруда, звучащего как emerald.

3

Регентский стиль в английской архитектуре, также называемый «английский ампир» и возникший в пору регентства (1811–1820) принца и будущего короля Георга IV, продолжает традиции классицизма, одновременно включая элементы эклектики.

4

Сквот – самовольно занятое, заброшенное или пустующее помещение, чаще всего используемое под жилье или арт-пространство субкультурной или артистической коммуной.

5

В Великобритании обязательное начальное образование начинается для детей в возрасте 5 лет.

6

Шенди – смесь простого светлого пива с имбирным или с лимонадом, с лимонной содовой, взятых в равных частях.

7

6-й английский размер соответствует 40-му российскому.

8

Имеется в виду популярнейшая песня шведской группы «Ace of Base»: «All that She Wants» (1993).

Купить: https://tellnovel.com/layza-dzhuell/pravda-o-melodi-braun

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити